

Источник: Король Иоанн. Перевод Н. Рыковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1958. Т. 3. С. 311-408. + Аникст А. Послесловие к «Королю Иоанну» // Там же. С. 549-553. + Смирнов А. Примечания к тексту «Короля Иоанна» // Там же. С. 553-556.

311

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОРОЛЬ ИОАНН.
ПРИНЦ ГЕНРИХ, сын короля.
АРТУР, герцог Бретонский, племянник короля.
ГРАФ ПЕМБРУК.
ГРАФ ЭССЕКС.
ГРАФ СОЛСБЕРИ.
РОБЕРТ БИГОТ, граф Норфолк.
ХЬЮБЕРТ ДЕ БУРГ.
РОБЕРТ ФОКОНБРИДЖ, сын сэра Роберта Фоконбриджа.
ФИЛИПП ФОКОНБРИДЖ (БАСТАРД), брат его.
ДЖЕМС ГЕРНИ, слуга леди Фоконбридж.
ПИТЕР ИЗ ПОМФРЕТА, мнимый пророк.
ФИЛИПП, король французский.
ЛЮДОВИК, дофин.
ЛИМОЖ, эрцгерцог Австрийский.
КАРДИНАЛ ПАНДОЛЬФ, папский легат.
МЕЛЕН, французский вельможа.
ШАТИЛЬОН, французский посол к королю Иоанну.
КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА, мать короля Иоанна.
КОНСТАНЦИЯ, мать Артура.
БЛАНКА ИСПАНСКАЯ, племянница короля Иоанна.
ЛЕДИ ФОКОНБРИДЖ.

Лорды, леди, горожане Анжера, шериф, герольды, офицеры,
солдаты, вестники, слуги.

Место действия - частью Англия, частью Франция.

313

АКТ I.

СЦЕНА 1.

Нортемптон. Тронный зал во дворце.

Входят КОРОЛЬ ИОАНН, КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА, ПЕМБРУК,
ЭССЕКС, СОЛСБЕРИ и другие, а также ШАТИЛЬОН.

КОРОЛЬ ИОАНН

Так что же, Шатильон, сказать нам хочет
Французский брат наш?

ШАТИЛЬОН

Вот что мне велел
Король французский передать с приветом
Назвавшемуся королем английским.

ЭЛЕОНОРА

Назвавшемуся? Странное начало!

КОРОЛЬ ИОАНН

Пусть, матушка, договорит посол.

ШАТИЛЬОН

Король Филипп, вступаясь за права
Артура, отпрыска Плантагенетов,
И сына брата твоего Готфрида,
Желает, чтобы ты ему вернул
Прекрасный этот остров и другие

314

Владения: Ирландию, Анжу,
Турень, и Пуатье, и Мен; чтоб ты,
Свой меч захватнический опустив,
Его племяннику вручил, как должно,
Законному монарху твоему.

КОРОЛЬ ИОАНН

А если мы на это скажем: «Нет»?

ШАТИЛЬОН

Тогда – война. Ее жестокой силой
Неправое насилие сокрушится.

КОРОЛЬ ИОАНН

Вот наше слово: на войну – войной,
И кровь за кровь, и сила против силы.

ШАТИЛЬОН

Прими же вызов короля. На том

Кончается мое к тебе посольство.

КОРОЛЬ ИОАНН

Мой вызов передашь ему. Ступай:
Ты для него, как молния, сверкнешь,
Затем, что он, едва ты молвишь слово,
Меня услышит – гром английских пушек.
Тебе же – стать предвестьем роковым
И трубным гласом гнева моего,
Несущего французам гибель. – Пембрук,
С почетом проводить посла. – Прощай.

ШАТИЛЬОН и ПЕМБРУК уходят.

ЭЛЕОНОРА

Что, сын мой? Не была ли я права?
Констанция покоя не узнает,
Покуда не побудит встать за сына
И Францию и всех на белом свете.
А это мы могли предотвратить,
Всего добившись миром и согласием.
Теперь же – два великих королевства,
Судьбу решая, кровью истекут.

КОРОЛЬ ИОАНН

За нас – и наша власть и право наше!

315

ЭЛЕОНОРА

Доверься лучше нашей твердой власти,
Не то придется плохо нам с тобой.
Мой шепот, совести тревожный вздох,
Пусть кроме нас услышит только бог.

Входит ШЕРИФ и шепчется с ЭССЕКСОМ.

ЭССЕКС

К вам, государь, явились двое. Просят,
Чтоб вы решили спор их – самый странный
Из всех, какие знал я. Что сказать им?

КОРОЛЬ ИОАНН

Впустите их.

ШЕРИФ уходит.

Аббатства и монастыри дадут

Нам средства для войны.

Входят РОБЕРТ ФОКОНБРИДЖ и ФИЛИПП, его побочный брат.

Вы что за люди?

БАСТАРД

Ваш верноподданный и дворянин
Нортемтонширский; полагаю также –
И старший сын Роберта Фоконбриджа,
Который в рыцари на поле битвы
Был Львиным Сердцем славно посвящен.

КОРОЛЬ ИОАНН

А ты кто?

РОБЕРТ

Я того же Фоконбриджа
Сын и наследник.

КОРОЛЬ ИОАНН

Он старший, а отца наследник – ты?
Наверно, вы от разных матерей?

БАСТАРД

Нет, мать у нас одна, король могучий,
Все это знают. Думаю, что также
Один отец. Известно про отца
Наверняка лишь матери да богу;
А дети разве могут точно знать?

316

ЭЛЕОНОРА

Бесстыдник грубый! Мать свою позоришь!
На честь ее, шутя, бросаешь тень.

БАСТАРД

Я, государыня? Никак не я.
Все это брат мой хочет доказать,
И если замысел его удастся,
Пятьсот – не меньше – добрых фунтов в год
Утянет у меня. Бог сохрани
Мне – землю, матери же нашей – честь.

КОРОЛЬ ИОАНН

Вот прямодушный малый! Почему же

Твой младший брат потребовал наследство?

БАСТАРД

Не знаю. Землю хочет получить
И вот клеветает: я-де незаконный!
Но так же ли законно я рожден,
Как брат, – об этом матери известно.
Зато удался ей не хуже брата
(Хвала тому, кто с нею потрудился!).
Сравните нас обоих, государь,
И посудите сами: если мы
От сэра Роберта, и брат мой вышел
В отца – то как обласкан я судьбой,
Отец мой добрый, что не схож с тобой!

КОРОЛЬ ИОАНН

Ну сумасброд! Пошлет же бог такого!

ЭЛЕОНОРА

Я в голосе его, в чертах лица
Улавливаю сходство с Львиным Сердцем.
По-твоему, своим сложеньем мощным
Он не похож на сына моего?

КОРОЛЬ ИОАНН

С него я глаз все время не спускал:
Он – Ричард вылитый. Ну, а теперь
Доказывай свои права ты, младший?

БАСТАРД

Он на отца похож, и у него
Лишь пол-лица, как на монете медной;

317

А землю хочет целиком забрать:
На медный грош – полтысячи дохода!

РОБЕРТ

Король мой милостивый! С братом вашим
Был верной службой связан мой отец.

БАСТАРД

Ну, землю этим ты не оттягаешь:
Доказывай, что мать связалась с ним!

РОБЕРТ

Случилось, что король послал отца
С германским императором о важных
В те дни делах вести переговоры;
А сам он времени терять не стал
И в замке нашем тотчас поселился.
Мне совестно рассказывать подробно,
Но правда все же – правда. Мой отец
Сам говорил: его и нашу мать
В те дни моря и земли разделяли,
Когда зачат был этот бойкий малый.
На смертном ложе завещал мне он
Все наши земли, будучи уверен,
Что старший отпрыск матери моей
Не сын ему – уж разве что родился
До срока за четырнадцать недель.
Вот и хочу я, добрый государь,
Все получить, согласно отчей воле.

КОРОЛЬ ИОАНН

Но брата твоего в законном браке
Жена отца произвела на свет.
А вышел грех – ну что ж, ее вина:
С любимым женатым может быть такое.
Но ты скажи мне: как бы мог мой брат,
Приживший сына по твоим словам,
Его потребовать у Фоконбриджа?
Тот был бы вправе удержать теленка
От собственной коровы, в полном праве!
Мой брат, хоть сына и прижил, не мог
Его признать, а твой отец отвергнуть
Его не мог. И вот мое решение:
От сына матери моей рожден
Наследник твоему отцу: он должен
Отцовское наследье получить.

318

РОБЕРТ

Неужто воля моего отца
Не может прав лишить чужое семя?

БАСТАРД

Не больше может, сэр, чем помешать
Могла в то время моему рождению.

ЭЛЕОНОРА

Скажи, кем хочешь быть? Как Фоконбридж
Владеть землей и жить, подобно брату?
Иль признанным потомком короля,
Хоть без земли, своей гордиться честью?

БАСТАРД

Когда бы, государыня, мой брат
Стал обликом, как я, а я, как он,
Верней – как батюшка его, сэра Роберт,
И ноги были бы мои, как жерди,
А руки, словно чучела угрей,
А рожа так худа, что я б не смог
На людях за ухо заткнуть цветок,
Не услышав: «Ни дать, ни взять – монета!»,
И если бы при этом вся земля
Досталась мне, – я, не сойти мне с места,
Клочок последний отдал бы за то,
Чтобы себе вернуть свое лицо!

ЭЛЕОНОРА

Ты молодец! Ну как, отдашь именье?
Пойдешь искать удачи? Мы готовим
Поход на Францию – пойдешь за мной?

БАСТАРД

Вперед, за счастьем! Брат, владей землей.
Полтысячи твоей достались роже,
А ей цена – пять пенсов, не дороже. –
За вами до могилы, госпожа!

ЭЛЕОНОРА

Нет, лучше ты меня опереди.

319

БАСТАРД

У нас, у деревенских, пропускают
Вперед знатнейших.

КОРОЛЬ ИОАНН

Как тебя зовут?

БАСТАРД

Филипп я, мой король и господин,
Супруги Фоконбриджа старший сын.

КОРОЛЬ ИОАНН

Прими же имя гордое того,
Чей облик принял. Преклони колени,
Филипп, и встань. Имен славнее нет:
Сэр Ричард, признанный Плантагенет!

БАСТАРД

Подай же руку мне, товарищ детства!
Я – честь, ты землю получил в наследство.
На благо нам обоим, сводный брат,
Без сэра Роберта я был зачат.

ЭЛЕОНОРА

Вот остроумие Плантагенета!
Тебе я бабка, Ричард, помни это.

БАСТАРД

Родство случайное, но все равно!
Пришло мне счастье левой стороной.
Нельзя в ворота – смело лезь в окно;
Не можешь днем – иди сквозь мрак ночной;
Как ты ни взял – а приз отныне твой;
Как ни стрелял – задета цель твоя.
Кем ни рожден, а я уж верно Я!

КОРОЛЬ ИОАНН

Ступай же, Фоконбридж. Владей землею
По воле Безземельного. За мною,
Сэр Ричард! Матушка, пора уж нам
К французским устремиться берегам.

320

БАСТАРД

Ты, брат, на божий свет родился честно:
Тебе-то счастья пожелать – уместно.

Уходят все, кроме БАСТАРДА.

На добрый фут теперь я выше стал,
Земли же – сотни футов потерял.
Но в леди превращу любую Джен.
«Сэр Ричард, добрый день!» «Здорово, парень!»
Он – Джордж, я Питером его зову. –
Ведь те, кто только что из грязи и князи,
Чужих имен не помнят: им же надо,

Чтоб видели их важность. Вот ко мне
Приходит со своею зубочисткой
Приезжий иностранец на обед.
Набив едой свой рыцарский желудок
И чистя зубы, завожу беседу
С заморским щеголем: «Мой добрый сэр, –
Я говорю, на стол облокотясь, –
Позвольте мне спросить»... И тут же, словно
По катехизису, ответ: «О сэр!
Приказывайте, я к услугам вашим;
Располагайте мной!» А я: «О нет,
Дражайший сэр, я ваш слуга». И вот,
Еще и не добравшись до вопросов,
В любезностях рассыплемся мы оба.
А там пойдет рассказ про Апеннины,
Про Пиренеи, Альпы, реку По, –
И так до ужина и се и то.
Обычай круга знатного усвоить
Я должен: ведь в него теперь вхожу,
А век твой оттолкнет тебя с презреньем,
Когда не сможешь в ногу с ним идти
(Боюсь, что мне, пожалуй, не суместь...), –
Затем что надо перенять не только
Повадку, лоск и внешнее обличье,
Но на потребу века источать
Сладчайший яд из сердца, из души.
Не для обмана это изучу я, –
Чтоб самого меня не обманули,
Чтоб восхождение облегчить себе.
Но что это за всадница? Гонец
В одежде женской? Нет при ней супруга
С хорошим рогом, чтоб в него трубить?

Входят Леди Фоконбридж и Джемс Герни.

321

Да это матушка! – Привет вам, леди!
Что прибыли так спешно ко двору?

ЛЕДИ ФОКОНБРИДЖ

Где братец твой, где этот негодяй,
Который честь мою везде позорит?

БАСТАРД

Мой братец Роберт? Это он вам нужен?

Могучий витязь, Кольбранд-великан
И сэра Роберта законный сын?

ЛЕДИ ФОКОНБРИДЖ

А ты, мальчишка, почему так дерзко
О сэре Роберте заговорил?
Ему вы оба – сыновья родные.

БАСТАРД

Джемс Герни, ты бы вышел ненадолго.

ГЕРНИ

Извольте, добрый господин Филипп.

БАСТАРД

Какой Филипп? Здесь, милый Джемс, такие
Пошли дела! Потом я расскажу.

ГЕРНИ *уходит.*

Мать, я ведь не был сыном Фоконбриджа.
Он, не нарушив святости поста,
В Страстную пятницу мог съесть все мясо,
Которым я ему обязан. Право!
Ну мог ли он такого породить?
Мы знаем, как и что он мог. Так вот –
Кого же, матушка, благодарить мне
За силу рук и богатырский рост?

ЛЕДИ ФОКОНБРИДЖ

Ты что, стакнулся с братом? Честь мою
Себя же ради защищать ты должен.
Разбойник дерзкий, что все это значит?

БАСТАРД

Я рыцарь, мать. Совсем, как Базилиско.
Да нет, почище: я ведь посвящен!

Сэр Роберт не отец мне. Я отверг
И вотчину и имя Фоконбриджа,
Признал свое рождение незаконным.
О матушка, молю тебя, скажи,
Кто был отец мой? Человек достойный?

ЛЕДИ ФОКОНБРИДЖ

Отрекся ты от рода Фоконбриджей?

БАСТАРД

Отрекся, как от черта самого.

ЛЕДИ ФОКОНБРИДЖ

Твоим отцом был Ричард, наш король.
Так долго он ухаживал за мною,
Так пламенно, что я его пустила
К себе на ложе мужнее. Пусть бог
Меня за грех не покарает строго!
А грех мой – ты. Я, слабая, сдалась –
Так властен был тот незабвенный час.

БАСТАРД

Клянусь, когда б родиться мне вторично,
Я лучшего отца не пожелал бы!
Не злая воля, матушка, тебя
Ввела во грех, и он тебе простится.
Ты сердце, как добычу, отдала
Всепобеждающей любви того,
Кто яростной, неодолимой силой
И льва смирил, кто из груди у льва
Бесстрашно вырвал царственное сердце.
Ему не больших стоило трудов
Осилить сердце женское. О мать,
Как за отца тебе я благодарен!
Любого, кто осудит мать мою,
Мечом я прямо в пекло загоню.
Хочу, чтоб ты родню мою узнала.
Пойдем – и ясным сделаем для всех,
И все поймут, что если б отказала
Ты Ричарду – вот это был бы грех.

Уходят.

323

АКТ II.

СЦЕНА 1.

Франция. Под стенами Анжера.

*Входят с одной стороны эрцгерцог Австрийский во главе своего войска, с
другой – Филипп, король французский, во главе своего; Людовик,
Констанция, Артур и свита.*

ЛЮДОВИК

Приветствуем вас, доблестный эрцгерцог,
У стен Анжера. – Друг Артур, твой родич,
У льва исторгший сердце, славный Ричард,
Отважный паладин Святой земли.
Сражен был этой рыцарской рукой.
По нашему призыву и желая
Загладить грех перед его потомством,
Войска привел эрцгерцог – поддержать
Тебя в борьбе с твоим преступным дядей,
Присвоившим английскую корону.
Приветствуй же его и обними.

АРТУР

Смерть Ричарда прости вам бог за то,
Что вы несете жизнь его потомству,
Овеяв дело правое крылами
Своих знамен. Моя рука слаба,
Но в сердце – дружба верная. Эрцгерцог,
Привет у врат Анжера!

324

ЛЮДОВИК

Славный мальчик!
Как за твои права не постоять?

ЭРЦГЕРЦОГ (*целуя Артура*)

Прими же поцелуй, печать горячей
Моей любви к тебе, залог того,
Что не вернусь домой, пока Анжер
И все твои французские владенья, –
А с ними вместе бледнолицый берег,
Что гордо отражает натиск волн,
Своих островитян от всех отрезав,
Пока страна за водною твердыней,
За крепким валом из морских валов,
Защитой мощной от любых вторжений,
Твой остров западный, твой дальний край, –
Тебя, прекрасный отрок, не признает
Своим владыкой. И до той поры

Меч занесенный я не опущу.

КОНСТАНЦИЯ

Примите благодарность от вдовы,
От матери его, покуда сам он,
В боях окрепнув дружбой вашей крепкой,
Щедрее вам за помощь не воздаст.

ЭРЦГЕРЦОГ

Тот в мире с небом, кто посмел поднять
Бесстрашный меч войны святой и правой.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Друзья, за дело! Пушки мы нацелим
В упрямый лоб твердыни городской;
Искуснейшие наши полководцы
Должны измыслить способ нападения.
Мы кости царственные сложим здесь,
Мы улицы зальем французской кровью,
Но юный принц войдет с победой в город.

КОНСТАНЦИЯ

Чтоб безрассудно меч не обнажать,
Дождитесь Шатильона. Он, быть может,
Нам принесет желанный мир и то,

325

Чего хотим войною мы добиться.
Не пожалеть бы, завязавши бой,
О каждой капле крови пролитой!

Входит ШАТИЛЬОН.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Ну, чудеса! Ты только пожелала,
А наш посол и прибыл – тут как тут.
Какой ответ принес ты, Шатильон?
Мы без тебя не начинали дела.

ШАТИЛЬОН

Осаду жалкую вам надо снять:
Понадобится войско для иного.
Отвергнув справедливый ваш призыв,
Король английский вынул меч из ножен.
Пока я ветра ждал, уж он собраться
Успел в поход, и вот он с войском здесь

Под городом, со мной одновременно.
Его бойцы уверенно и быстро
К Анжеру осажденному идут.
С ним королева-мать, – как злая Ата,
Что подстрекает на раздор и кровь, –
Ее племянница, принцесса Бланка,
И Ричарда покойного бастард,
А также полчище сорви-голов,
Отчаянных и буйных добровольцев:
Хоть лица их мягки, сердца драконьи;
Имущество в доспехи превратив
И на себе неся свое наследье,
Они пришли сюда за новой долей.
Доставили английские суда
Таких неистовых головорезов,
Каких еще не приносили волны
Всем добрым христианам на беду.

За сценой – барабанный бой.

Вот барабаны их. Я все сказал.
Готовые и к торгу и к сраженьям,
Они пришли. Вы тоже приготовьтесь.

Король Филипп

Так скоро мы не ждали нападения!

326

Эрцгерцог

Пускай. Чем неожиданней оно,
Тем яростней нам надо защищаться.
В нелегком деле мужество крепчает.
Мы встретим их, как должно; пусть идут!

*Входят Король Иоанн, Элеонора, Бланка, Бастард,
вельможи и войско.*

Король Иоанн

Мир Франции, когда не помешает
Нам Франция вступить в пределы наши. –
Не то – ей кровью истекать, а нам,
Бичу господня гнева, – покарать
За гордость тех, кто мир изгнать решится.

Король Филипп

Мир Англии, когда ее полки

Домой вернутся, не нарушив мира.
Мы любим Англию: ее же ради
Потеет здесь под тяжестью брони.
Тебе бы потрудиться вместо нас;
Но Англию так мало возлюбил ты,
Что, короля неправо отстранив,
Законную преемственность нарушил,
Ограбил отрока и осквернил
Насильем наглым девственность короны.
Взгляни на мальчика – и облик брата
Узнаешь ты: его глаза и лоб;
Здесь уменьшенным все воплощено,
Что умерло в Готфриде. Будет время –
Страница жизни превратится в книгу.
Готфрид тебе был старшим братом; мальчик –
Его наследник. Как же королем
Назвался ты, скажи во имя бога,
Когда живая кровь струится в жилах
Того, чье место ты посмел занять?

КОРОЛЬ ИОАНН

А от кого ты право получил
Допрашивать меня, король французский?

КОРОЛЬ ФИЛИПП

От высшего владыки, что внушает
Благие помыслы земным владыкам,

327

Обязанным неправду пресекать.
А отрок этот под мою защиту
Поставлен им, и мне поможет он
За зло твое расправиться с тобой.

КОРОЛЬ ИОАНН

Захватчиком ты хочешь стать, я вижу!

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Прости: захватчика хочу сразить,

ЭЛЕОНОРА

А кто, король, по-твоему, захватчик?

КОНСТАНЦИЯ

Отвечу я: бессовестный твой сын.

ЭЛЕОНОРА

Прочь, наглая: чтоб королевой стать,
Ублюдка своего на трон сажаешь.

КОНСТАНЦИЯ

Всегда я верной сыну твоему
Была, как ты – законному супругу.
И с Готфридом мой мальчик больше сходен,
Чем ты с Иоанном, хоть по духу вы –
Как дождь с водой, как черт и мать его.
Артур – ублюдок? Да клянусь душой,
Отец его не так был честно зачат:
Ведь он тобой произведен на свет.

ЭЛЕОНОРА

Вот, мальчик, мать твоя отца позорит!

КОНСТАНЦИЯ

Вот, сын мой, как тебя позорит бабка!

ЭРЦГЕРЦОГ

Потише!

БАСТАРД

Он глашатай!

ЭРЦГЕРЦОГ

Что за шут?

328

БАСТАРД

Да, шут, и он с тобой сыграет шутку:
С тебя сорвет он живо шкуру льва –
С твоей впридачу. Ты – тот самый заяц,
Что дергает за гриву мертвых львов.
Тебя я выкурю из львиной шкуры;
Ей-богу, выкурю тебя, ей-богу!

БЛАНКА

По праву носит одеянье льва
Лишь тот, кто сам сорвал его со льва.

БАСТАРД

Ему ж оно пристало, как ослу
Пристала обувь славного Алкида.

Но груз я со спины осла сниму,
Не то – хребет переломлю ему.

ЭРЦГЕРЦОГ

Что за трещотка уши нам терзает
Неугомонным шумом лишних слов?
Король, Людовик, вам – принять решение!

ЛЮДОВИК

Пусть женщины и дурни помолчат!
Король Иоанн, от имени Артура
Мы требуем: ты Англию свою,
Ирландию, Анжу, Турень и Мен
Верни ему. Согласен это сделать?

КОРОЛЬ ИОАНН

Нет, лучше смерть! – Король, прими мой вызов. –
Артур Бретонский, перейди ко мне,
И от любви моей получишь больше,
Чем взял бы для тебя француз трусливый.
Доверься нам.

ЭЛЕОНОРА

Доверься бабке, внук.

КОНСТАНЦИЯ

Да, детка, к бабушке иди на ручки:
Ты – королевство ей, она – тебе
Изюминку, и вишенку, и фигу:
Добрей ее не сыщешь.

329

АРТУР

Мать, не надо!
О, лучше бы в могиле мне лежать!
Такой жестокой распри я не стою.

ЭЛЕОНОРА

За мать стыдится он и плачет, бедный.

КОНСТАНЦИЯ

За мать иль нет, – пусть будет стыдно вам!
Не матерью он опозорен, – бабка
Обидела его, и льется жемчуг
Из бедных глаз. И небо, словно мзду,

Прозрачный драгоценный бисер примет,
Свершит свой суд – и покарает вас.

ЭЛЕОНОРА

Ты и земли и неба клеветница!

КОНСТАНЦИЯ

А ты обидчица земли и неба!
Где клевета? Ты с сыном отняла
У этого ребенка власть, корону,
Права. Его отец – твой старший отпрыск.
Страдает мальчик по твоей вине;
Твои грехи на голове его,
За них же он отмечен божьим гневом –
Несчастное второе поколение
Из мерзостного чрева твоего.

КОРОЛЬ ИОАНН

Молчи, безумная!

КОНСТАНЦИЯ

Одно добавлю:
Не просто он казнится за нее;
Она сама и все ее грехи –
Тот бич, которым бог его карает,
Хоть он ей только внук. И та обида,
Которая ему нанесена, –
Ее палач, невинному ребенку
Жестоко мстящий за ее же грех.
Проклятье ей! Всею виной она.

330

ЭЛЕОНОРА

Бранишься без толку! По завещанью
Артур, твой сын, лишился прав на трон.

КОНСТАНЦИЯ

О да, составленному по твоей
Безбожной воле, воле злобной бабки!

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Сударыня, довольно, успокойтесь!
Нам здесь не подобает поощрять
Неугомонной этой перебранки!
Пусть вызовет на стены трубный звук

Анжерских граждан. Мы от них услышим,
Кого они считают королем.

Трубы. На стену выходят несколько горожан.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Кто вызвал нас на городскую стену?

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Король французский, ради дел английских...

КОРОЛЬ ИОАНН

Король английский, по делам своим
Любезных подданных я вызываю...

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Анжерцев верных, подданных Артура,
Мы трубным звуком кличем на совет.

КОРОЛЬ ИОАНН

...И выслушать прошу мои слова.
У ваших стен и на глазах у вас

331

Развернуты французские знамена.
На гибель вам сюда пришли французы:
Уже из яростного чрева пушек,
На город ваш нацеленных, готов
Железный гнев свирепо изрыгнуться.
Кровавую осаду затевают
Французы эти, и на их дела
Уставились, не глядя, очи стен –
Закрытые ворота. Если б мы
Не подошли к твердыне вашей спящей,
То камни, опоясавшие вас,
Из их покойных известковых гнезд
Исторгла бы пальба, и грозный враг
Ворвался бы в дотоле мирный город.
Но, быстро завершив поход нелегкий,
С таким же сильным войском к стенам вашим
Явились мы, законный ваш король,
Лицо Анжера убережь от шрамов.
К переговорам страх склонил врага.
Не ядра раскаленные он шлет,
Чтоб жаркой дрожью било город ваш,
А мирные слова в дыму дурманном,

Чтоб улестить вас и склонить к измене.
Познай им цену, добрый наш Анжер,
И нас, монарха твоего, прими:
В походе тяжком дух наш истомился
И жаждет у тебя найти приют.

Король Филипп

Нет, выслушав меня, ответь обоим.
Вот, правая рука моя, – которой
Вручил господь защиту прав того,
Кто за нее схватился, – держит руку
Артура юного: он старшим братом
Захватчика английского рожден, –
Его и Англии король законный.
Растоптанную правду защищая,
Мы с войском топчем дуг зеленый ваш,
Но к вам вражды не ведаем: должны мы,
Покорствуя небесному велению,
За принца угнетенного вступиться.
Воздайте же священный долг тому,
Кто вправе этот долг принять, Артуру, –
И наше войско грозное для вас
Медведем укрощенным обернется.
Мы пушек ярость мирно разрядим
В плывущие по небу облака;
Свершая радостное отступление,
Не смяв брони, клинков не зазубрив,
Домой вернемся с жаркой кровью в жилах,
Которую хотели здесь пролить,
И будет мир – и вам и детям вашим.
Но если вы ответите отказом,
То и кольцо старинных ваших стен
Вас не спасет от вестников войны,
Хотя бы в нем собрались эти все

332

Искусные в сраженьях англичане.
Итак – согласны вы принять владыкой
Того, за чьи мы ратуем права?
Откажетесь – дадим сигнал к сраженью
И, проливая кровь, возьмем свое.

Первый горожанин

Король английский – наш монарх законный,
И твердо за него стоит Анжер.

КОРОЛЬ ИОАНН

Признайте ж нас, откройте нам ворота.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Не можем. Но когда король докажет
Законность прав своих, – его мы примем,
А до того – ворот не отопрем.

КОРОЛЬ ИОАНН

На мне венец английских королей.
Чего ж еще? Со мною тридцать тысяч
Пришло свидетелей – сердец английских...

БАСТАРД

Бастардов и других.

КОРОЛЬ ИОАНН

...Готовых жизнь отдать за право наше.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Не меньше с нами столь же благородных...

БАСТАРД

Бастарды есть небось!

КОРОЛЬ ФИЛИПП

...Ему сейчас способных дать отпор.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Так вот, решайте, чьи права законней;
Законнейший и будет наш король.

КОРОЛЬ ИОАНН

Тогда господь да примет милосердно
В своих селеньях горних души тех,

333

Кто нынче же, еще до рос вечерних,
За право королевское падет!

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Аминь! Аминь! К оружию! На коней!

БАСТАРД

Святой Георгий, ты, сразивший змея

И с той поры на вывесках трактирных
Гарцующий, учи нас биться!

(Эрцгерцогу.)

Ты же
Знай, грозный лев: попасть бы только мне
В твою берлогу, – я с твоею львицей
Наставил бы тебе рога над гривой,
Чтоб стал ты чудищем.

ЭРЦГЕРЦОГ

Наглец, молчать!

БАСТАРД

О ужас: начинает лев рычать!

КОРОЛЬ ИОАНН

Скорее в поле: там свои полки
Построим мы в порядке боевом.

БАСТАРД

На высоте расставим войско наше.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Пусть будет так!

(Людovicу.)

Мой сын, ты холм другой
Займи с отрядом. С нами правда божья!

Все уходят.

*После нескольких стычек входит французский герольд с трубой: он
подходит к городским воротам.*

ФРАНЦУЗСКИЙ ГЕРОЛЬД

Анжерский люд, ворота распахните.
Чтоб к вам вошел Артур, Бретонский герцог!
Рукою Франции сражался он,
И в Англии немало матерей

Над сыновьями павшими заплачут.
Немало вдов заплачут над мужьями,
Что на земле, от крови почерневшей,
Раскинув руки, мертвые лежат.

Недорого победа нам далась,
И радостно взыграли наши стяги
Над войском, что готово к вам войти,
Провозгласив победно королем
Земель английских юного Артура.

Входит английский герольд с трубой.

АНГЛИЙСКИЙ ГЕРОЛЬД

Ликуй, Анжер, и колокольным звоном
Приветствуй короля. Иоанн Английский
В жестокой битве одолел врага.
Сияли наши брони серебром –
Их вражья кровь теперь позолотила.
Копьем французским ни одно перо
Не сбито, гордое, у нас со шлемов.
Знамена – в тех же доблестных руках,
Что их несли, когда мы в бой вступали.
Сюда толпой охотников веселых
Стремятся англичане. Руки их
Окрашены багрянцем вражьей смерти.
Встречай же победителей, Анжер!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Герольды, мы следили с наших башен
С начала до конца за ходом битвы.
Решить не мог бы самый зоркий глаз,
Какая рать победу одержала.
За кровь платилось кровью, за удар
Ударом, доблесть доблести равнялась
И сила силе. Оба ваших войска
Равно сильны, равно любезны нам.
Пока одно из них не одолеет,
Мы никому ворот не отопрем.

Входят с разных сторон оба короля с войсками и приближенными.

КОРОЛЬ ИОАНН

Король французский, разве слишком мало
Ты крови пролил? Тщетно преграждаешь
Потоку ровному – моим правам –

Его течение: разъярясь, он выйдет
Из берегов, твои затопит земли.
Не лучше ли его сребристым водам

Катиться без помехи в океан?

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Король английский, – в этой жаркой битве
У вас не меньше крови пролилось,
Чем у французов, – может быть, и больше.
Клянусь рукой моей, что держит власть
Над всей землей под этим небосводом,
Меча, за правду поднятого, мы,
Пока ты не повержен, не опустим.
Пусть лучше нас найдут среди погибших,
Чтоб список их печальный украшало
Торжественное имя короля.

БАСТАРД

Стремишься в высь ты, царственная слава,
Когда у королей ярится кровь!
Оскалены стальные зубы смерти:
Резцы ее, клыки – мечи бойцов;
И, разрывая мясо человечесь,
Она пирует в битвах королей.
Но почему войска стоят без дела?
Владыки, кличьте их на смертный бой!
Ваш дух пылает, в мощи вы равны:
Пускай один падет, другой получит
Желанный мир. Пока же – смерть и кровь!

КОРОЛЬ ИОАНН

Чью сторону вы держите, анжерцы?

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Ответьте, горожане, кто король ваш?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Король законный Англии. Но кто он?

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Наш подопечный, юный принц Артур.

КОРОЛЬ ИОАНН

Нет, мы. Свою монаршую особу
Мы ныне лично представляем здесь:
Себе владыка и тебе, Анжер.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Власть более высокая, чем наша,
Опровергает вас обоих. Мы же,
Покуда длится спор, свои сомненья
Не выпустим из запертых ворот
Святого страха божья. Этот страх
Рассеет только истинный король.

БАСТАРД

Ей-богу, нагло же они смеются
Над вами, короли, спокойно глядя
Из-за бойниц могучих на театр,
Где страшное дается представленье!
Осмелюсь вам совет мой предложить:
Взяв за пример иерусалимских граждан
Во дни их мятежа, вражду свою
На время позабудьте и совместно
Анжерцам дайте жару. Пусть с востока
И с запада француз и англичанин
Наставят жерла пушек и палят
По городу надменному, круша
Смертельным громом каменные ребра
Так, чтоб у этих подлецов осталась
Одна ограда – воздух. А потом
Войска свои опять разъедините,
Знамена – врозь, и, став лицом к лицу,
Направьте снова копья друг на друга.
Тогда кого-нибудь из вас в любимцы
Фортуна непременно изберет,
Счастливчика победой обласкает,
Ему даруя славный этот день.
По нраву вам совет мой безрассудный?
И нет ли в нем разумного зерна?

КОРОЛЬ ИОАНН

Клянусь шатром небесным, что над нами,
Совет хорош. Давай, французский брат наш,
Анжер с землей сравняем, а затем
Решим в сраженьи, кто его король!

БАСТАРД

И если ты король не на словах,
И оскорблен нахальным городишкой,
Подобно нам, своих орудий жерла

На эти стены дерзкие направь.
 А уж когда мы разнесем их в мусор,
 Тогда борьба последняя решит,
 Кто в рай из нас, кто в бездну угодит.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Согласен я. Откуда ты ударишь?

КОРОЛЬ ИОАНН

Мы с запада метнем огонь и смерть
 Анжеру в грудь.

ЭРЦГЕРЦОГ

Я с севера.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Мы с юга
 Затопим город грозным ливнем ядер.

БАСТАРД (*в сторону*)

Вот это мудро: с севера и с юга
 Они друг в друга примутся палить.
 Что ж, подстрекнем их. – Ну, живей, за дело!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Внемлите нам, внемлите, государи!
 Я укажу вам, как достигнуть мира
 И прочного союза, без боев
 Вступить в наш город; предоставьте тем,
 Кто пал бы в битве, умереть в постелях.
 Прошу вниманья у монархов славных.

КОРОЛЬ ИОАНН

Что ж, мы готовы слушать, говори.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Дитя Испании, принцесса Бланка,
 Английскому властителю родня,
 По возрасту в невесты подошла бы
 Людовику-дофину. Если страсть
 У юноши стремится к красоте –

Кого бы ты нашел прекрасней Бланки?

А если сердце ищет чистоты –
Кого найдет он непорочней Бланки?
А если знатность гордому нужна –
В чьих жилах кровь знатнее, чем у Бланки?
Рожденье, добродетель, красота –
Все уравнило их. В одном, быть может,
Не равен ей дофин: он – не она.
А ей лишь одного недостает:
Она – не он. Еще не совершенный –
Пусть совершенство в ней он обретет,
Она же полной славы не достигла –
Да будет в нем дана ей полнота.
Двух светлых рек соединим течение,
И берега гордиться будут ими, –
А берегами царственной реки
Вы станете, о короли, связав
Законным браком принца и принцессу.
Такой союз скорей, чем ваши пушки,
Ворота наши сможет распахнуть:
Быстрее, чем порох, рушащий твердыни,
Мы сами вам свободный доступ в город
Открыли бы. Но если этот брак
Не состоится – глухи мы, как море,
Когда оно бушует; диких львов
Мы недоверчивей, и горных скал
Недвижнее и тверже. Даже смерть
В неистовстве своем не так упорна,
Как мы в решенье город отстоять.

БАСТАРД

Опять помеха! Этот говорун
Вытряхивает из лохмотьев смерти
Ее скелет прогнивший! Мелет, мелет
Его язык о смерти, о морях,
О скалах. Для него рычащий лев –
Что для шалуньи-девочки болонка.
Пушкарь болвана, верно, породил –
Все он про пушки, дым, огонь и грохот
Дубиной языка нещадно в уши
Колотит вам! Слова его дубасят
Покрепче кулаков французских. Черт!
Так не глушил меня никто со дня,
Как мужа матери отцом назвал я.

ЭЛЕОНОРА

Сын, согласись на этот брак и щедро
Племяннице приданое назначь.
Так крепко этот узел утвердит
Твою непрочную еще корону,
Что мальчику тому не хватит солнца,
Чтоб из цветка могучий вызрел плод.
Король французский, кажется, согласен.
Смотри, как шепчутся они. Вмешайся,
Пока мутит им души честолюбье,
Не то подтаявшее рвенье их
Мольбы овеют, жалость укрепит,
И глыбой льда для нас оно застынет.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Что ж не дают ответа короли
На предложенье об исходе мирном?

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Тебе, король английский, слово: первый
Ты выслушать анжерцев пожелал.

КОРОЛЬ ИОАНН

Когда прочел бы царственный дофин
«Люблю тебя» в прекрасной этой книге,
Приданным одарил бы я невесту,
Как королеву: Мен, Турень, Анжу,
И Пуатье, и все, за исключением
Анжера осажденного, что здесь,
На этих берегах подвластно вам,
Ей ложе брачное позолотило б;
Она бы властью, почестями, саном
Поспорила с любой своею ровней
По крови, воспитанью, красоте.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Что скажешь, сын мой? Погляди на Бланку.

ЛЮДОВИК

Гляжу, отец мой. И в ее глазах
Я вижу чудо, чудо из чудес:
В них облик мой, лишь тень моя, – и все же
Тень сына вашего, мой государь,

В них солнцем стала; по сравненью с ним –
Ваш сын – лишь тень. Я никогда себя
Так не любил, как в том изображенье,
Безмерно лестном, что сейчас нашел
В блестящем зеркале ее очей.

(Шепчется с Бланкой.)

БАСТАРД

«В блестящем зеркале ее очей»
Он отражен. Так пусть же он увидит
Повешенным себя на грозных дугах
Ее бровей, – пусть испытает он
Четвертованье в сердце Бланки, чуя
В себе изменника любви. Как жалко,
Что будет отражен любовью этой
И ею же, ей изменив, казнен
Такой болван ничтожнейший, как он.

БЛАНКА

Желанье дяди для меня священно,
И если в вас увидел он все то,
Что нравится ему, и я готова
Ему желанное признать желанным.
Точнее выражаясь: я могу
К любви себя принудить без труда.
Не стану льстить вам, принц: не все, быть может.
Что в вас я вижу, следует любить;
Но самый строгий суд не обнаружит
У вас того, что можно ненавидеть.

КОРОЛЬ ИОАНН

Решайте ж, дети. Что ты скажешь нам,
Племянница?

БЛАНКА

Мне честь ведет склониться,
Принявши мудрость вашего решенья.

КОРОЛЬ ИОАНН

А ты, дофин, полюбишь ли принцессу?

ЛЮДОВИК

Спросите лучше: смог бы я сейчас
От искренней любви своей отречься?

КОРОЛЬ ИОАНН

Тогда за ней получишь пять провинций –
Вексен, Турень, Мен, Пуатье, Анжу.
Даю впридачу десять тысяч марок
Английских. Если этим ты доволен,
Король Филипп, вели, чтоб сын и дочь
Соединили руки.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Очень рад я.
Принц и принцесса, обручаю вас.

ЭРЦГЕРЦОГ

Пусть и уста соединят. Клянусь,
Так сделал я, когда в любви поклялся.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Анжерцы, открывайте же ворота!
Вы помогли нам дружбу заключить, –
Примите ж нас. Венчанье совершим
В часовне пресвятой Марии-Девы.
Я госпожи Констанции не вижу –
Ее здесь нет. При ней не без труда
Устроилось бы это обручение.
Кто скажет – где она и юный принц?

ЛЮДОВИК

У вас в шатре, объята гневной скорбью.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Господь свидетель, этот наш союз
Ее скорбей, увы, не облегчит.
Английский брат мой, чем бы нам утешить
Высокую вдову? Сюда пришли мы,
Чтоб ей помочь, но к выгоде своей
На путь иной вступили.

КОРОЛЬ ИОАНН

Все уладим.
Мы герцогом Бретонским утверждаем,
А также графом Ричмондом Артура.
Ему Анжер богатый отдаем.

Пусть госпожу Констанцию на свадьбу
Посланец наш немедля пригласит.
Надеюсь я, что мы в какой-то мере,
Хоть и не полной, угодим ей так,
Чтоб гневный вопль ее умолк. Теперь же
Пойдем справлять неожиданные для нас,
Неподготовленные торжества.

Уходят все, кроме БАСТАРДА.

БАСТАРД

Безумный мир! Безумцы короли!
Безумен их союз! Лишить желая
Артура прав на целое, Иоанн
От части добровольно отказался.
Француз был совестью вооружен:
Влекомый жалостью и благочестьем,
Он шел на битву, словно воин божий, –
Но начал бес шептать ему и живо
С дороги сбил. О, этот хитрый бес,
Что заставляет клятвам изменять
И нарушать обеты королей,
Бездомных нищих, юношей и старцев,
Девиц – и если нечего терять
Девицам, кроме этого названья,
Он и его похитит. Этот бес
Лицом пригож, зовется он – Корусть.
Корусть, ты совратительница мира!
Ведь мир от первых дней уравновешен,
По ровному пути направлен прямо,
Но выгода, бессовестный толчок,
Косой удар, всесильная Корусть
Его заставит отклониться, сбиться
С пути прямого, отойти от цели.
И эта же Корусть, коварный враг,
Личинами играющая сводня,
Блеснув очам коварного француза,
Его от цели доброй отвела,
От благородно начатой войны
К гнуснейшему, постыднейшему миру.
Но почему я поношу Корусть?
Готов ответ: ведь я не знал соблазна.
Смогу ли гордо руку сжать в кулаж,
Когда червонцы, ангелы Корусти,
Ладонь мою попробуют ласкать?

Она еще не знала искушенья
 И, нищая, ругает богачей
 Ну что ж, я нищий – вот и негодную
 Твердя, что величайший грех – богатство,
 Разбогатею – благородно-строг,
 Начну вещать, что нищета – порок.
 Корысти короли предались ныне, –
 Так будь же, Выгода, моей богиней.

(Уходит.)

АКТ III.

СЦЕНА 1.

Палатка французского короля.

Входят КОНСТАНЦИЯ, АРТУР *и* СОЛСБЕРИ.

КОНСТАНЦИЯ

Венчаются! И заключают мир!
 Союз между обманщиками кровный!
 Дофин получит Бланку, Бланка – земли?
 Не может быть: оговорился ты,
 Ослышался, – рассказывай же снова,
 Но поразмыслив. Ты шутил, признайся!
 Поверь мне – веры нет твоим словам,
 Простого смертного случайной сплетне.
 Поверь – немислимо тебе поверить:
 В обратном мне поклялся сам король.
 Ты напугал меня – и ты ответишь:
 Ведь я измучена и жертва страха;
 Угнетена – и вся дрожу от страха;
 Вдова – и нет защиты мне от страха;
 Я женщина – и рождена для страха.
 Хотя б сознался ты, что пошутил, –
 Смятенный дух мой не найдет покоя,
 Весь день он будет маяться в тоске.
 Но почему, качая головой,
 На сына моего глядишь печально,

И руку горестно прижал к груди,

И проступает влага на глазах,
Как затопивший берега поток?
Ты скорбным видом подтвердить желаешь
Свои слова? О, говори! Не надо
Рассказа повторять; скажи лишь – верно ль
Все это?

СОЛСБЕРИ

Да, не меньше это верно,
Чем, – как, наверно, мыслишь ты, – обман
Содеянное теми, чьи поступки
Я передал правдиво.

КОНСТАНЦИЯ

Если учишь
Меня ты верить горю, научи
И злое горе умертвить меня.
Пусть жизнь и вера встретятся в борьбе,
Как два бойца отчаянных, что оба
В кровавой схватке пасть обречены.
Дофин на Бланке женится! Мой сын,
А твой удел? Француз и англичанин
Отныне в дружбе... Что же делать мне?
Уйди, посол! Пришел ты с гнусной вестью,
И гнусным сделался мне облик твой.

СОЛСБЕРИ

Ужели было злом поведать вам
О зле, другими причиненном вам?

КОНСТАНЦИЯ

Так мерзко это зло, что для меня
Зловреден тот, кто мне о нем поведал.

АРТУР

Утешьтесь, матушка, я вас молю!

КОНСТАНЦИЯ

О, если б, утешающий меня,
Ты был урод, позор моей утробы,
Ходил бы в пятнах мерзких и прыщах,
Противных бородавках и наростах,
Хромой горбун, чернявый дурачок, –
Я б не страдала и не огорчалась:

Ты не был бы мне дорог, недостойный
И крови королевской и венца.
Но ты красив. Природой и Фортуной
Ты словно предназначен для величья.
Дары природы сделали тебя
Нежнее роз и лилий. Но Фортуна!
Ты брошен ею, девкой совращенной,
Она блудит с твоим преступным дядей.
Маня француза ручкой золотой,
Она его заставила попать,
Мой сын, твои священные права,
И сводней сделалось его величие:
Он свел Фортуна с королем Иоанном,
Захватчика бессовестного с девкой. –
Признай, посланец, что француз – изменник
Своей же клятве; брызни на него
Отравой слов; а коли нет – уйди,
Чтоб я одна осталась мыкать горе.

СОЛСБЕРИ

Без вас, принцесса, не осмелюсь я
Предстать пред королями.

КОНСТАНЦИЯ

Нет, предстанешь:
Я не пойду с тобой. Свое страданье
Я научу быть гордым и сама
Покорно подчинюсь веленьям скорби;
И королям явиться надлежит
Ко мне и к ней: так тяжела она,
Что лишь земля могучая смогла бы
Ее снести. Здесь трон мы обрели:
Пусть перед ним склонятся короли.

(Садится на землю.)

Входят Король Иоанн, Король Филипп, Людовик,
Бланка, Элеонора, Бастард, Эрцгерцог Австрийский и
свита.

Король Филипп

Да, этот день, возлюбленная дочь,
Во Франции, как праздник, будет чтиться.
Ему во славу задержало бег
Сияющее солнце, превращая,

Алхимику подобно, дивным оком
 Сухую землю в царственное злато.
 И этот день в круговращенье лет
 Пусть празднуют всегда, как день счастливый.

КОНСТАНЦИЯ (*поднимаясь с земли*)

Как день несчастный, пусть его клянут.
 Чем заслужил он главу, и за что
 Его ты станешь золотом писать
 В календаре средь праздников церковных?
 Нет, день позора, клятвопреступленья,
 Обиды тяжкой вырви из недели;
 А если он останется, пускай
 Беременные молятся о том,
 Чтоб им в тот день не выкинуть, не видеть
 Своих надежд крученье, и пускай
 В тот день страшатся бури моряки,
 Все сделки неудача постигает,
 Все начатое кончится бедой,
 И даже верность станет черной ложью!

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Клянусь я небом, славный этот день
 Вам не придется проклинать, принцесса.
 Ведь я давал вам слово короля.

КОНСТАНЦИЯ

Поддельная монета – ваше слово:
 Да ней – лицо монарха, но она
 Не выдержала пробы. Вы – отступник.
 Вы кровь моих врагов пролить грозили,
 Теперь же с ней хотите слить свою.
 Могучий пыл и гневный взор войны
 Остыли под личиной ложной мира.
 Для нас обида злая – ваш союз.
 Карай же, небо, королей-лжецов!
 Тебя вдовица молит, будь ей мужем!
 Не допусти, чтоб этот день безбожный
 Был мирно завершен! Посей раздор
 Еще до вечера между лжецами.
 Услышь меня!

ЭРЦГЕРЦОГ

КОНСТАНЦИЯ

Война, война! Спокойствие – мне смерть!
Лиможский граф, эрцгерцог! Свой трофей
Позоришь ты, раб, негодяй и трус!
В бою ничтожный, в подлости великий,
Ты – сильный только с сильными в союзе!
Фортуны рыцарь, бьешься лишь тогда,
Когда капризной госпоже угодно
Тебя оберегать. Ты тоже лжец,
Холуй при королях! Болван пустой,
Ничтожный дурень! Пыжился, грозил
Моим врагам! Ты, раб с холодной кровью,
Не громыхал ли, что стоишь за нас,
Что служишь мне, что смело я могу
Твоей звезде довериться и силе?
И вот – к врагам моим переметнулся!
Тебе ли Ричарда трофей пристал?
Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью!

ЭРЦГЕРЦОГ

О, если б это мне сказал мужчина!..

БАСТАРД

Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью!

ЭРЦГЕРЦОГ

Молчи, мерзавец, если хочешь жить!

БАСТАРД

Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью.

КОРОЛЬ ИОАНН

Нам это не угодно. Ты забылся.

Входит кардинал ПАНДОЛЬФ.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Преосвященнейший посланец Рима!

ПАНДОЛЬФ

Помазанникам неба мой привет! –
Я, папы Иннокентия легат,

Пандольф, миланский кардинал, тебя,
Король Иоанн, прошу во имя божье
Ответить мне, как посланному папой,

349

Зачем ты церкви, матери святой,
Нанес обиду злую, помешав
Стефану Ленгтону, что ныне избран
Архиепископом Кентерберийским,
Вступить в его права? Отцу святому,
Король английский, нужен твой ответ.

КОРОЛЬ ИОАНН

От имени кого из смертных можно
Допрашивать помазанников божьих?
Призвав меня к ответу, кардинал,
Не мог ты выбрать имени смешней,
Ничтожней и пустей, чем имя папы!
Так и скажи ему, от нас добавив
Еще одно: что итальянский поп
Взимать не будет во владеньях наших
Ни десятины, ни других поборов.
Но если мы под небом – властелин
Своей страны, то под защитой неба,
Его святым покровом, будем править
И не хотим поддержки смертных рук.
Так папе и скажи: отныне мы
Его захватническую власть отвергли.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Английский брат мой, ваша речь – кощунство.

КОРОЛЬ ИОАНН

Пусть вас и всех монархов христианских
Нахальный поп ведет на поводу;
Пусть вам страшны проклятья, от которых
Нетрудно откупиться: ведь за деньги –
Прах, мусор – покупаете прощенье
Вы у того, кто в мерзостном торгу
Прощенья сам лишается; пусть вы
И все другие хитрого волхва
Улещивать готовы щедрой данью, –
Я восстаю один – да будет так! –
И каждый друг его – мой смертный враг.

ПАНДОЛЬФ

Тогда я облечен законной властью
Тебя проклясть и отлучить от церкви.
Благословен твой ленник, если он
Тебе, еретику, нарушит верность;

350

Благословен, прославлен, как святой,
Тот, чья рука открыто иди тайно
Твою отнимет мерзостную жизнь.

КОНСТАНЦИЯ

Пусть голос мой волеется в голос Рима!
Отец наш кардинал, скажи «амен»
Моим проклятьям ярым. Больше прав,
Чем я, никто на них иметь не может.

ПАНДОЛЬФ

Проклятье церкви свято и законно.

КОНСТАНЦИЯ

Как и мое. Когда не мог закон
Встать на защиту правды, – он не должен
И незаконной мести помешать.
Закон Артуру не вернет престола:
Его занявший сам творит законы.
А если весь закон – одна неправда,
Так он и рта не может мне закрыть.

ПАНДОЛЬФ

Король Филипп, страшась проклятья церкви,
Порви союз с архиеретиком
И, если он не подчинится Риму,
Обрушья на него с французским войском.

ЭЛЕОНОРА

Ты побледнел, король? Не разрывай
Союза с нами.

КОНСТАНЦИЯ

Дьявол, берегись:
Раскается Филипп, порвет союз –
И ты душой его не завладеешь.

ЭРЦГЕРЦОГ

Внемли, король, словам посланца папы.

БАСТАРД

Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью.

ЭРЦГЕРЦОГ

Я проглочу обиду, негодяй!

Ведь я...

351

БАСТАРД

Широкой глоткою известен.

КОРОЛЬ ИОАНН

Так что же ты ответишь кардиналу?

КОНСТАНЦИЯ

А что сказать? Одно лишь – согласиться!

ЛЮДОВИК

Отец, подумайте, что выбрать вам:

Проклятья церкви бремя или утрату

Не столь уж тяжкую английской дружбы, –

Что менее опасно?

БЛАНКА

Папский гнев.

КОНСТАНЦИЯ

Смотри, дофин! Тебя с пути сбивает

Лукавый бес, наряженный невестой.

БЛАНКА

Не голос правды говорит в принцессе –

Нужда ее.

КОНСТАНЦИЯ

А если признаешь

Нужду, живущую лишь смертью правды,

Так ты должна признать и то, что правда

Воскреснет, если кончится нужда!

Нужду растопчешь – правда воцарится;

Питай нужду – и правда горько сникнет.

КОРОЛЬ ИОАНН

Король смущен, ответа не дает.

КОНСТАНЦИЯ

О, не внимай ему, ответь, как должно.

ЭРЦГЕРЦОГ

Ответь, король, и сбрось сомнений груз.

БАСТАРД

А ты набрось телячью шкуру, трус.

352

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Да, я смущен, и что сказать – не знаю.

ПАНДОЛЬФ

А что сказать ты мог бы для того,
Чтоб худшего смущенья не изведать
В церковном отлученьи и проклятыи?

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Достойнейший отец, каким путем
Пошли бы вы, когда бы стали мною?
Мы только что с моим английским братом
Друг другу руки подали, скрепив
Согласье душ и добрый наш союз
Священной силой клятвы нерушимой.
В последних нами сказанных словах
Повеяло любовью, верой, миром
И нам самим и королевствам нашим.
Чтоб в мирной сделке по рукам ударить,
Пришлось нам вымыть их: свидетель бог,
По ним ведь только что кровавой грязью
Мазнула кисть войны, запечатлев
Раздоры распаленных королей.
И эти чисто вымытые руки,
Так крепко сжатые взаимной дружбой,
Должны расторгнуть добрый свой союз?
Позволено ли с небом нам шутить –
По-детски верностью своей играя,
Беспечно вырвать руку из руки,
Нарушить клятвы, брачную постель
Улыбчивого мира растоптать
Ногами поднятых на битву ратей,
И судорогой гнева исказить

Чело сердечной дружбы? Пастырь душ,
Святой отец, да не случится это!
Ты небом вразумлен – найди, придумай,
Открой нам выход правильный, и мы
Все примем, дружбу нашу сохранив.

ПАНДОЛЬФ

Согласье – видимость, порядок – смута,
Когда доволен ими англичанин.
К оружию, Филипп, в защиту церкви,
Не то изведает, мятежный сын,

353

Всю тяжесть материнского проклятья.
Король, ты лучше бы змею за жало,
И разъярившегося льва за лапу,
И тигра лютого за клык держал,
Чем руку ту, что ныне пожимаешь.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Могу отнять я руку, но не верность.

ПАНДОЛЬФ

Так, значит, верность встанет против веры;
И, как в уособицах, на клятву – клятва
И слово против слова. Но сейчас,
Филипп, исполни первый свой обет,
Что дал ты небу, – стань борцом за церковь.
В другой же клятве – ты себе изменник,
И не обязан исполнять ее.
Тот, кто поклялся злое совершить,
Творит добро, когда не верен слову;
В его неделанье – благое дело.
Свернул ты с правого пути – сверни
Опять с худого: это кривизна,
Но кривизна и станет выпрямленьем,
Ложь исцелится ложью – так огнем
Огонь врачи смягчают при ожогах.
Святая вера есть опора клятвы.
Твоя же клятва не согласна с ней.
Ты верою поклялся против веры
И клятвой утвердить желаешь право
Нарушить изначальный свой обет.
Так знай: ты ею связан только в том,
Что первого обета не нарушит;

Иначе клятвы – жалкая насмешка!
Ты слово дал, обету изменив, –
Исполнив слово, углубишь измену.
Вторую клятвой первую нарушив,
Сам на себя преступно восстаешь.
Но ты содержишь высшую победу,
С достоинством и твердостью отвергнув
Весь этот жалкий и пустой соблазн.
Иди путями правды – мы тебя
Молитвами поддержим; если ж нет –
Проклятье наше ляжет на тебя
Таким необоримым, черным гнетом,
Что ты под ним в отчаяньи умрешь.

354

ЭРЦГЕРЦОГ

Мятеж, мятеж!

БАСТАРД

Ты снова за свое?
Заткнуть бы рот тебе телячьей шкурой!

ЛЮДОВИК

Отец, к оружию!

БЛАНКА

В день свадьбы нашей?
И против родичей твоей жены?
Как? Мы убитых соберем на пир,
А музыкой нам будут трубный рев
И грохот барабанный, вопли ада?
Услышь меня, супруг! (Увы, как странно
Произносить: «супруг»!) Но ради слова,
Доселе чуждого моим устам,
Молю я на коленях: с нашим дядей
В сраженье не вступай.

КОНСТАНЦИЯ

Мои колени
В мозолях от коленопреклонений,
Но я молю у ног твоих, дофин,
Не нарушай веления небес!

БЛАНКА

Теперь увижу, как меня ты любишь:

Какое побуждение для тебя
Сильней призыва любящей жены?

КОНСТАНЦИЯ

То, что ему опора, как тебе –
Опора он: честь. Честь твоя, Людовик!

ЛЮДОВИК

Как холодны вы, государь, в минуту,
Когда принять решение неизбежно!

ПАНДОЛЬФ (*королю Филиппу*)

Я на тебя проклятье изреку.

355

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Не нужно. – Мы – враги, король Иоанн.

КОНСТАНЦИЯ

О, снова ты величьем осиян!

ЭЛЕОНОРА

Француз, француз! Что клятва, то обман!

КОРОЛЬ ИОАНН

И часа не пройдет, король французский,
Как этот час ты станешь горько клясть.

БАСТАРД

Когда звонарь плешивый, старец Время,
К раскаянью призвать тебя решит.

БЛАНКА

В крови заходит солнце. День прекрасный,
Прощай! Увы! Чью сторону принять?
Протянута одна моя рука
К одной из ратей, а к другой – другая.
Я схвачена, меня на части рвут.
Нет сил молиться о победе мужа,
Когда победа эта – гибель дяди,
Удачи не могу желать отцу
И разделять надежд любимой бабки.
Кто б верх ни одержал, мне поражение
Уже сулит любой исход войны.

ЛЮДОВИК

Твое, подруга, счастье там, где я.

Б Л А Н К А

Где вспыхнет счастье, гаснет жизнь моя.

К О Р О Л Ъ И О А Н Н

Немедля стягивай войска, племянник.

Б А С Т А Р Д *уходит.*

Король французский, гнев во мне пылает
Столь ярим пламенем, что этот жар
Ничто залить не сможет – только кровь,
Кровь избранных сынов твоей земли.

356

К О Р О Л Ъ Ф И Л И П П

Пока зальешь свой жар французской кровью,
Тебя успеет он испепелить.
Остерегись: судьба грозит бедой!

К О Р О Л Ъ И О А Н Н

Не больше, чем тебе. – К оружию, в бой!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Равнина близ Анжера.

*Шум битвы, стычки. Входит Б А С Т А Р Д с головой эрцгерцога
Австрийского.*

Б А С Т А Р Д

День здорово горяч, ей-богу! С неба
Нам бедствия воздушный демон шлет.
Здесь голову эрцгерцога положим
И отдохнем, Филипп.

Входят К О Р О Л Ъ И О А Н Н, А Р Т У Р и Х Ъ Ю Б Е Р Т.

К О Р О Л Ъ И О А Н Н

За мальчиком присмотришь, Хьюберт. Ты же,
Филипп, скорей – на помощь: мать в палатке
Окружена врагами.

Б А С Т А Р Д

Государь,
Я королеву выручил, не бойтесь,
Но медлить незачем: еще усилие –
И славно мы закончим ратный труд.

Уходят.

СЦЕНА 3.

Там же.

*Шум битвы, стычки, отбой. Входят КОРОЛЬ ИОАНН, ЭЛЕОНОРА,
АРТУР, БАСТАРД, ХЬЮБЕРТ и свита.*

КОРОЛЬ ИОАНН

Пусть будет так.

(Элеоноре.)

357

Вы, матушка, останьтесь
С отрядом сильным здесь.

(Артуру.)

Ты не грусти,
Племянник: бабушке своей ты дорог,
А дядя заменить готов отца.

АРТУР

Ах, мать моя теперь умрет от горя!

КОРОЛЬ ИОАНН *(Бастарду)*

А ты, племянник, в Англию спеши
И до приезда нашего мошны
Скупых аббатов растряси, свободу
Дай пленным ангелам: пускай война
Подкормится мясцом и салом мира.
Тебе вручаю власть – так действуй смело.

БАСТАРД

Свечам, колоколам, церковным книгам
Не задержать меня, когда иду
За звонким золотом и серебром.
Прощайте, государь. Целую руку
Вам, бабушка, и помолюсь за вас,
Когда случится приступ благочестья.

ЭЛЕОНОРА

Прощай, мой милый внук.

КОРОЛЬ ИОАНН

Прощай, племянник.

БАСТАРД *уходит.*

ЭЛЕОНОРА (*Артуру*)

Пойдем со мною, внучек.

(*Отводит Артура в сторону.*)

КОРОЛЬ ИОАНН

Друг мой Хьюберт,
Послушай: много сделал ты для нас.

358

В жилище плоти этой есть душа;
Она – должник твой и готова щедро
С тобою расплатиться за любовь.
Мой Хьюберт, предан ты по доброй воле,
И я тебе всем сердцем благодарен.
Дай руку мне. Хотел я кое-что
Тебе сказать, да надо бы получше
Мелодию для этой песни выбрать.
Клянусь, неловко даже говорить,
Что я к тебе так горячо привязан.

ХЬЮБЕРТ

Безмерно, государь, я вам обязан.

КОРОЛЬ ИОАНН

Для этого еще причины нет,
Но будет, друг. Как время ни ползет,
Настанет час – и расплачусь я щедро.
Хотел тебе сказать я... но потом.
Сияет солнце в небе, пышный день
От преизбытка радостей земных
Так суетен и безрассудно весел, –
Мои слова не для него. Но если б
Железным языком из пасти медной
Тревожил колокол полночный сон;
Но если б мы на кладбище стояли
И гнулся ты под бременем скорбей;
Но если бы угрюмый дух унынья

В тебе сгущал, отяжеляя, кровь
(Что слишком уж легко струится в жилах,
Дурацкий смех в глазах людей рождая,
Пустой ухмылкой искажая лица, –
А нынче это все противно мне),
Но если б мог без глаз меня ты видеть
И слышать без ушей, и отвечать
Без языка, одним порывом чувства.
Без глаз, ушей, без тяжких звуков речи, –
Тогда, хоть день уставился на нас
Наседкой, бодрствующей над птенцами,
Я помыслы свои тебе излил бы...
Но не хочу! А все ж люблю тебя,
Того же ожидая для себя.

359

ХЬЮБЕРТ

Так велика моя любовь, что я
Для вас любое выполню, хотя бы
Мне смерть грозила.

КОРОЛЬ ИОАНН

Разве я не знаю?
Мой Хьюберт, друг мой Хьюберт! Погляди
На мальчика. Хочу тебе признаться:
Он на моем пути – змея лихая.
Куда б я ни подался, всюду он.
Меня ты понял, страж его?

ХЬЮБЕРТ

Стеречь
Я стану так, что королю помехой
Не будет он.

КОРОЛЬ ИОАНН

Смерть.

ХЬЮБЕРТ

Государь!

КОРОЛЬ ИОАНН

Могила.

ХЬЮБЕРТ

Так он умрет!

КОРОЛЬ ИОАНН

Довольно. Спала тяжесть
С моей души. Люблю тебя, мой друг!
Сейчас я о награде умолчу,
Но помни... – Государыня, прощайте;
И ждите подкреплений, не страшась.

ЭЛЕОНОРА

Благослови тебя господь!

КОРОЛЬ ИОАНН

Племянник,
Ты – с нами в Англию. Слугою верным
К тебе приставлен Хьюберт. Ну, в Кале!

Уходят.

360

СЦЕНА 4.

Там же. Палатка французского короля.

Входят Король Филипп, Людовик, Пандольф и свита.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Так ураган, ревущий в бурном море,
Повсюду разгоняет корабли,
Суда одной эскадры разделяя.

ПАНДОЛЬФ

Все сладится: мужайтесь, государь!

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Что сладится? Ведь хуже быть не может.
Мы не разбиты? И не взят Анжер?
И не в плену Артур? И многих верных
Не потеряли мы? И не ушел
К себе домой кровавый англичанин,
Французские преграды сокрушив?

ЛЮДОВИК

Он закрепить сумел свои успехи:
Такой расчет в стремительности действий,
Такой порядок в яростном напоре
Не виданы доселе: кто читал,
Кто слышал о делах, подобных этим?

Король Филипп

Хвалы ему мне было б легче слушать,
Когда б столь тяжким не был наш позор.

Входит Констанция.

Кто к нам идет? Та, чья душа – могила,
А горестная плоть – тюрьма, в которой
Томится дух, от жизни отвратясь.
Пойдемте, госпожа моя, отсюда.

Констанция

Вот он, тобою заключенный мир!

361

Король Филипп

Спокойствие, Констанция! Терпенье!

Констанция

Нет, не нужны мне помощь и советы;
Единственная помощь и совет –
Смерть, смерть! Люблю и призываю смерть.
Благоуханный смрад! Блаженный глени!
Встань, поднимись от ложа вечной ночи,
Ты, враг, ты горький ужас для счастливых!
Лобзать я буду мерзостные кости,
В провал глазниц вложу свои глаза,
Червями пальцы обовью и в рот,
Чтоб не дышал, набью земли могильной,
И стану трупом страшным, как и ты.
Приди! Оскал твой для меня – улыбка.
Несчастливая возьмет тебя в мужья,
В любовники. Приди!

Король Филипп

О, успокойтесь,
Страдалица прекрасная!

Констанция

Нет, нет!
Пока дыханье есть, не смолкнет голос.
О, если б мой язык вещал, как гром,
Я потрясла бы мир призывом скорбным.
Я грозный разбудила бы скелет,
Что не внимает слабым женским воплям,

Не отвечает на обычный зов.

ПАНДОЛЬФ

Не горе, а безумье – ваши речи.

КОНСТАНЦИЯ

Твои же – клевета, и это грех.
Я не безумна. Волосы я рву –
Они мои. Констанцией зовусь,
Была женою Готфрида. А сын мой –
Артур, и он погиб. Я не безумна,
Но разума хотела бы лишиться,
Чтоб ни себя, ни горя своего

362

Не сознавать! Придумай, кардинал,
Такое мудрое увещеванье,
Чтоб я сошла с ума – и сразу будешь
К святым причтен; не то рассудок мой,
Пронзенный горем, скоро мне внушит,
Что удавиться, горло перерезать –
Вернейший путь избавиться от мук.
Будь я безумной, я б забыла сына
И утешалась бы тряпичной куклой.
Но разум жив, и жгуче, слишком жгуче
Терзает душу каждая из бед.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

О, заплетите косы! Как любовно
Друг к другу льнут волос чудесных нити!
Чуть на одну блестящая слеза
Падет случайно – тысячи других
К ней устремятся, разделяя горе,
Как нежные и верные друзья,
Что не хотят в несчастье разлучаться.

КОНСТАНЦИЯ

Молю, пустите в Англию меня!

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Прошу вас косы заплести.

КОНСТАНЦИЯ

Извольте,
Но для чего? Я распустила их,

Крича: «О если б сына моего
Могли из плена вырвать руки эти
Так, как свободу дали волосам!»
Но вольность их во мне рождает зависть,
И вольных заключу опять в оковы,
Затем, что бедный мальчик мой в плену.
Отец наш кардинал, вы говорили,
Что с близкими мы свидимся в раю:
Раз так, я сына своего увижу!
От Каина, от первого младенца,
До самого последнего, вчера
Рожденного на свет, земля не знала
Прелестней существа! Но червь тоски
Пожрет нераспустившуюся почку
И стонит красоту с его лица,

363

И станет бледным он, как тень, худым,
Как лихорадящий, и так умрет,
И в небесах его я не узнаю,
И, значит, никогда уж, никогда
Не видеть мне прекрасного Артура!

ПАНДОЛЬФ

Великий грех – отчаянье такое.

КОНСТАНЦИЯ

Слова того, кто сына не имел.

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Вам горе ваше дорого, как сын.

КОНСТАНЦИЯ

Оно сейчас мне сына заменило,
Лежит в его постели и со мною
Повсюду ходит, говорит, как он,
И, нежные черты его приняв,
Одежд его заполнив пустоту,
Напоминает милый сердцу облик.
Я полюбила горе – и права.
Прощайте, я б утешила вас лучше,
Когда бы вы познали ту же долю.
Не стану убирать своих волос –
В душе и помыслах одно смятенье.
О боже! Мой Артур, мой сын, мой мальчик!

Ты жизнь и радость, ты мне – все на свете!
Ты – утешенье горестной вдовы!

(Уходит.)

КОРОЛЬ ФИЛИПП

Пойду за ней: беды бы не случилось.

(Уходит.)

ЛЮДОВИК

Мне радости не ведать на земле.
Несносна жизнь, как выслушанный дважды,
В унылый сон вгоняющий рассказ.
Стыдом и горечью отравлен мир;
Исчезла сладость – есть лишь стыд и горечь.

364

ПАНДОЛЬФ

Когда нам исцеленье предстоит
От тяжкого недуга, в самый миг
Выздоровленья он всего сильнее.
Зло обреченное больней язвит.
Вы проиграли день? А что еще?

ЛЮДОВИК

Всю славу, счастье, радость дней грядущих.

ПАНДОЛЬФ

Вы проиграли б, одержав победу.
Нет, нет: чем ласковей Фортуна к людям.
Тем больше бедствий взор ее сулит.
Не странно ли – как много потерял
Король Иоанн в самой своей победе!
Огорчены вы, что Артур в плену?

ЛЮДОВИК

Не меньше, чем король Иоанн ликует.

ПАНДОЛЬФ

Как ум твой юн, – совсем, как кровь твоя!
Но слушай, – я пророчески вещаю.
Ведь даже звук вот этих слов моих
Пылинку каждую, песчинку – все
Сметет с пути, которым ты пойдешь
К английскому престолу. Ты подумай:

Артур в плену у дяди. Но пока
В крови у мальчика играет жизнь,
Преступник ни на час, ни на минуту,
Нет – ни на миг не обретет покоя.
Захваченные дерзостью бразды
Не удержать иначе, как насильем.
Ведь для того, кто стал на скользкий путь,
Опоры слишком гнусной не бывает
Чтоб выстоял Иоанн, падет Артур.
Пусть будет так, раз это неизбежно.

ЛЮДОВИК

Что мне за польза, если он умрет?

365

ПАНДОЛЬФ

От имени своей супруги Бланки
Предъявишь ты права на то, что было
Законным достоянием Артура.

ЛЮДОВИК

Чтоб жизнь и все утратить, как Артур?

ПАНДОЛЬФ

Как в старом мире зелен ты и юн!
Все козни Иоанна, ход событий –
Тебе в подмогу. Тот, кто кровь прольет,
Ища спасенья, в ней же захлебнется.
Его деянье злое охладит
Сердца народа, рвенье заморозит.
Малейшая представится возможность –
И встанут все, чтоб свергнуть власть ею.
В явлениях природных на земле
И в небе, – непогода ли случится,
Внезапный ветер, или что еще, –
Разумную причину отвергая,
Увидят чудо, знаменье, предвестье,
Зловещий метеор, глагол небес,
Что королю грозят господней карой.

ЛЮДОВИК

Возможно, он Артура не убьет:
Достаточно окажется темницы.

ПАНДОЛЬФ

Хотя б Артур был жив, когда Иоанн
О приближении твоем узнает, –
Он в тот же час умрет; сердца людей
Охватит возмущенье; все, ликуя,
Благословят любую перемену
И вырвут поводы для мятежа
Из пальцев окровавленных Иоанна.
Я так и вижу грозный этот взрыв:
Ничто тебе так славно не поможет!
Сейчас в земле английской Фоконбридж,
Бастард безбожный, нагло грабит церковь.
Была б там дюжина солдат французских –
Как дудка птицелова, приманили б
Они десятки тысяч англичан;

366

Они бы выросли, как снежный ком,
Что вмиг становится горою снега.
О мой дофин, скорее к королю!
Представить трудно, что извлечь мы сможем
Из недовольства душ, обиды полных.
На Англию! Король согласие даст.

ЛЮДОВИК

К большим делам ведет благой совет,
На ваше «да» король не скажет «нет».

Уходят.

367

АКТ IV.

СЦЕНА 1.

Комната в замке.

Входят ХЬЮБЕРТ и два палача.

ХЬЮБЕРТ

Прут раскалите докрасна и стойте
Там, за коврами. Как ногою топну –
Скорей сюда: хватайте мальчугана,
Которого увидите со мной,
И привяжите к стулу. Прочь – и ждите!

ПЕРВЫЙ ПАЛАЧ

Надеюсь, есть распоряженье свыше?

ХЬЮБЕРТ

Вопрос пустой! Не бойся, будь готов.

Палачи уходят.

Поди сюда, малец, поговорим.

Входит АРТУР.

АРТУР

День добрый, Хьюберт.

368

ХЬЮБЕРТ

Маленькому принцу –
Привет.

АРТУР

Да, маленькому, – меньше нет;
Но он по праву мог бы стать большим.
Ты что грустишь?

ХЬЮБЕРТ

Да, веселей бывал я.

АРТУР

О господи, а я-то ведь считал,
Что только мне пристало быть печальным.
Во Франции у молодых дворян –
Я помню – как-то прихоть появилась
Ходить угрюмыми, как ночь. Клянусь,
Будь я на воле даже пастухом, –
Я был бы весел целый день. И здесь
Я не грустил бы, если б новых козней
Не ожидал от дяди моего.
Его боюсь я, он меня боится.
Моя ль вина, что Готфридом рожден я?
При чем тут я? О, если б был ты, Хьюберт,
Моим отцом! Меня бы ты любил.

ХЬЮБЕРТ (*в сторону*)

Молчать я должен. Болтовня ребячья
Во мне пробудит дремлющую жалость;
Пора кончать.

А Р Т У Р

А ты не болен, Хьюберт?
Ты что-то бледен. Я бы и хотел,
Чтоб ты немного прихворнул, и мог я
С тобой пробыть всю ночь. Наверно, крепче
Тебя я полюбил, чем ты меня.

Х Ю Б Е Р Т *(в сторону)*

Его слова мне в сердце проникают.

(Протягивает ему бумагу.)

369

Прочти, Артур.

(В сторону.)

Дурацкой влагой глаз
Выносятся наружу боль души.
Скорей кончать, не то совсем по-бабьи
Моя решимость изойдет слезами.

(Громко.)

Не разбираешь? Плохо написали?

А Р Т У Р

Для дела злого – слишком хорошо.
Железом ты глаза мне должен выжечь?

Х Ю Б Е Р Т

Да, мальчик, должен.

А Р Т У Р

И решишься?

Х Ю Б Е Р Т

Да.

А Р Т У Р

И хватит духу у тебя? А помнишь,
Как мучился ты головною болью
И лоб тебе я повязал платком
(То был мой самый лучший; мне его
Принцесса вышила), и я обратно
Его не взял? Я голову тебе
Держал всю ночь; как верно служат часу

Минуты быстрые, так я старался,
 Чтоб время для тебя текло быстрее.
 Я спрашивал: «Где больно? Что ты хочешь?
 Чем я могу помочь тебе, мой милый?»
 Иной бы сын простолюдина спал
 И ласкового слова не промолвил,
 Но принц оберегал тебя в ночи.
 Ты можешь думать, что моя любовь –
 Притворство, ложь; когда угодно року,
 Что ж, думай так и поступай жестоко!
 Ты хочешь зренье у меня отнять,
 Глаза мои, что на тебя ни разу
 Не поглядели гневно?

ХЬЮБЕРТ

Я поклялся,
 Что выжгу их железом раскаленным.

АРТУР

Возможно только в наш железный век
 Такое дело! Ведь само железо,
 Хоть докрасна его ты раскалишь
 И поднесешь к глазам моим, напьется
 Моих невинных слез, погасит ими
 Свой жаркий гнев и пощадит меня.
 И ржавчиной покроется оно,
 Стыдясь того, что мне огнем грозило.
 О, если бы явился ангел с вестью,
 Что Хьюберт ослепит меня, – ему
 Я не поверил бы. Пусть скажет Хьюберт.

ХЬЮБЕРТ (*топая ногой*)

Сюда!

Входят палачи с веревками, железными прутьями и т. д.

Исполнить мой приказ!

АРТУР

Спаси меня, мой Хьюберт! Слепну я
 От одного их зверского обличья!

ХЬЮБЕРТ

Подайте прут, а мальчика свяжите.

А Р Т У Р

Зачем, зачем? Вязать меня не надо!
Не стану я ни рваться, ни бороться.
О, бога ради, Хьюберт! Не вяжи!
Послушай, Хьюберт, пусть они уйдут,
И буду я с тобой смиренней ягненка,
Не вымолвлю ни слова, не моргну,
Не шелохнусь, не погляжу со злобой
На страшное железо. Прогони их –
И все мученья я тебе прошу.

Х Ю Б Е Р Т

Оставьте нас одних. За дверью ждите.

371

П Е Р В Ы Й П А Л А Ч

Я рад уйти: подальше от злодейства.

Палачи уходят.

А Р Т У Р

О горе! Значит, друга я прогнал!
Сурово он глядит, но сердцем добр.
Пусть он вернется, жалостью своей
Твою пробудит...

Х Ю Б Е Р Т

Мальчик, приготовься!

А Р Т У Р

Спасенья нет?

Х Ю Б Е Р Т

Нет; ты лишишься глаз.

А Р Т У Р

О боже! Если бы в глаза тебе попала
Соринка, мошка, волос иль песчинка –
Ты понял бы, как может эта малость
Измучить нас, – и замысел лихой
Чудовищным тебе бы показался.

Х Ю Б Е Р Т

А обещанье? Придержи язык.

А Р Т У Р

Мой Хьюберт, чтоб молить о паре глаз,
Двух языков, пожалуй, не хватило б.
Не затыкай мне рта, не надо, Хьюберт.
А то уж лучше вырви мне язык,
Но пощади глаза, чтоб мог я видеть,
Чтоб на тебя хотя бы мог смотреть.
Клянусь душой, железо ведь остыло,
И глаз не выжжет.

ХЬЮБЕРТ

Раскалю опять.

АРТУР

Не сможешь, нет. Огонь погас от горя,
Что им хотят невинного пытаться,

372

Им, созданным на благо людям. Хьюберт,
Ты видишь: угли не пылают злобой,
Дыханье неба охладило жар
И пеплом покаянья их покрыло.

ХЬЮБЕРТ

Мое дыханье оживит огонь.

АРТУР

И угли, Хьюберт, тотчас покраснеют,
Но от стыда за то, что ты творить.
Пожалуй, стыд в глазах твоих зажжется.
Когда хозяин псу кричит: «Куси!» –
Порою пес в него вцепиться может.
Все, чем ты мне хочешь повредить,
Откажется служить: огонь, железо,
Хотя и не привычны к милосердию,
Способны сжалиться; лишь ты – жесток!

ХЬЮБЕРТ

Пусть будет так! Отрады жизни, глаз,
Я не лишу тебя за все богатства,
Что мне сулил твой дядя! Все же знай:
Я клятву дал, что выжгу их железом.

АРТУР

Теперь ты снова Хьюберт, и снята
С тебя личина!

ХЬЮБЕРТ

Хватит слов. Прощай.
Известье ложное, что ты погиб,
От псов-шпионов дядя твой получит.
Спи, милое дитя, не зная страха:
За все сокровища земные Хьюберт
Тебе вреда не причинит.

АРТУР

Мой бог!
Спасибо, Хьюберт!

ХЬЮБЕРТ

Тише! Замолчи.
Иди за мной неслышно. Нынче я
В большой опасности из-за тебя.

Уходят.

373

СЦЕНА 2.

Дворец короля Иоанна.

Входят КОРОЛЬ ИОАНН в короне, ПЕМБРУК, СОЛСБЕРИ и другие лорды. Король садится на трон.

КОРОЛЬ ИОАНН

Вновь мы воссели здесь и вновь – в короне;
И вы, надеюсь, рады видеть нас.

ПЕМБРУК

Не будь на то высокой вашей воли,
И нужды не было бы в повторенье:
Вы были коронованы, и с вас
Достоинство монаршее не снято...
Народной верности не оскверняли
Мятежные порывы, и страна
Не волновалась жаждой перемен.

СОЛСБЕРИ

Еще украсить полный блеска сан,
Позолотить червонец золотой,
И навести на лилию белила,
И лоск на лед, и надушить фиалку,

И радуге прибавить лишний цвет,
И пламенем свечи усилить пламя
Небесного сияющего ока –
Напрасный труд, излишество пустое.

ПЕМБРУК

Мы не перечим воле короля,
Но все ж похоже это на рассказ,
Без нужды пересказанный вторично
И скуку нагоняющий на всех.

СОЛСБЕРИ

Здесь, государь, немало искажен
Привычный лик обычаев старинных.
Как с переменой ветра изменяет
Свой путь корабль, решение ваше так же
С пути сбивает мысли, смутный страх
Вселяет в души, здравому суждению
Препоны ставит: трудно верить правде,
Одетой в столь диковинный наряд.

374

ПЕМБРУК

Когда себя стремится превзойти
Ремесленник умелый, – губит он
Свое искусство тщетною потугой.
Бывает, неуместным извиненьем
Себе мы портим дело. Так заплатата
На небольшой прорехе нам в глаза
Бросается сильней самой прорехи.

СОЛСБЕРИ

Вот почему считали мы ненужным
Коронованье новое. Но вы
Нам, государь, не вняли, – и прекрасно:
Всегда, везде, во всем желанья наши
Смиренно воле вашей уступают.

КОРОЛЬ ИОАНН

Я кое-что открыл вам из причин
Решенья своего: довольно вески,
По-моему, они. А о других
Скажу потом: все спасенья наши –
Ничто пред ними. А теперь скажите,
Каких бы вы желали улучшений?

Увидите – готов я слушать вас
И все, что захотите вы, исполнить.

ПЕМБРУК

От имени присутствующих я
Тогда вам выскажу желанье наше:
Прощу и ради них, и для себя,
И, что всего важней, для вашей пользы, –
О чем забота главная у нас –
Освободить Артура. Ропщут люди,
И принца длительное заключение
Наводит на недобрые сомненья:
Раз вам по праву то принадлежит,
Чем мирно вы владеете, – зачем
Ненужный страх, который, говорят,
С неправдой неразлучен, – вас заставил
Племянника, совсем еще ребенка,
Держать в тюрьме, невежеству обречь,
Лишить потребных детству развлечений?
Чтоб не могли воспользоваться этим
Враги престола, ныне молим вас
Внять просьбе нашей – дать свободу принцу.

375

Нам для себя не нужно ничего:
Ко благу общему – его свобода
И к вашему же благу, государь.

КОРОЛЬ ИОАНН

Согласен я, и воспитанье принца
Вам поручить готов.

Входит ХЬЮБЕРТ.

Что скажешь, Хьюберт?

ПЕМБРУК

Вот тот, кто должен совершить злодейство:
Полученный им письменный приказ
Показывал он другу моему.
В глазах его я гнусный вижу грех,
А сумрачный, угрюмый лик скрывает
Жестокое смятение души.
Не выполнил ли он уже того,
На что имел, как видно, полномочье?

СОЛСБЕРИ

Король наш то бледнеет, то краснеет.
С желаньем совесть борется, гоня
По жилам кровь, как вестника меж ратей.
В нем страсть созрела и сейчас прорвется.

ПЕМБРУК

Когда ж прорвется, – брызнет страшный гной:
Лихая гибель милого ребенка.

КОРОЛЬ ИОАНН

Мы руку смерти удержать не властны!
Хоть воля добрая во мне жива,
Но смерть не даст исполнить вашу просьбу:
Он сообщил мне, что Артур скончался.

СОЛСБЕРИ

Да, видно, был недуг неизлечим.

ПЕМБРУК

Слыхали мы, что смерть его близка,
Когда он и не чувствовал, что болен.
Винowników за это ждет расплата
Здесь или там.

376

КОРОЛЬ ИОАНН

Что ж на меня так мрачно
Глядите вы? Иль ножницы судьбы
В моих руках? Иль я над жизнью властен?

СОЛСБЕРИ

Нечисто это дело. Тяжкий стыд,
Что до него унизилось величье!
Желаю вам успеха – и прощайте!

ПЕМБРУК

Стой, Солсбери. Вдвоем пойдем туда,
Где вотчина несчастного ребенка,
Где королевство малое – могила,
В которую насильем он уложен.
Была его наследьем вся страна –
Три фута получил он. Подлый мир!
Но этого нельзя терпеть. И скоро

Спадет с нас бремя скорби и позора.

Лорды уходят.

КОРОЛЬ ИОАНН

Они горят негодованьем. Каюсь!
Непрочно то, что строишь на крови!
Чужая смерть для жизни не спасенье.

Входит гонец.

Как сумрачен твой взор! А где румянец,
Что на лице твоём всегда играл?
В тяжелых тучах небо: грянет буря.
Будь вестником ее. Ну, как дела
Во Франции?

ГОНЕЦ

Вся Франция идет
На Англию. Таких огромных сил
Еще не собирали для вторженья.
Вы научили их не мешкать с делом, –
И вместо вести о военных сборах
Приходит весть, что враг уж тут как тут.

КОРОЛЬ ИОАНН

Ну, а лазутчики-то наши, что ж?
Валялись пьяные? А мать моя?
Не слышала она, что столько войска
Собрал француз?

377

ГОНЕЦ

Мой государь, земля
Ей слух закрыла. Первого апреля
Скончалась ваша царственная мать.
А за три дня до этого, как будто,
Констанция, я слышал, умерла,
Лишившись разума. Но, может быть,
Известье это – болтовня пустая.

КОРОЛЬ ИОАНН

Повремени, коварная судьба!
Вступи со мной в союз, чтоб успокоил
Я пэров недовольных! Мать скончалась!
Во Франции дела сложились худо. –

А кто ведет французские войска,
Которые к нам вторглись, говоришь ты?

ГОНЕЦ

Дофин.

КОРОЛЬ ИОАНН

От всех вестей, что ты принес,
Мутится ум.

Входят БАСТАРД и ПИТЕР ИЗ ПОМФРЕТА.

(Бастарду.)

Ну, расскажи, какая
О действиях твоих идет молва?
Ты только помни: голова моя
Полным-полна худыми новостями.

БАСТАРД

Когда о худшем слышать не хотите, –
Оно на вас обрушится неслышно.

КОРОЛЬ ИОАНН

Прости, племянник. Опрокинут был
Я грозным валом бед. Но вот опять
Я всплыл, могу дышать, готов услышать
Все, что угодно, и от всех на свете.

БАСТАРД

Каких я дел наделал у попов,
Увидите вы, деньги подсчитав.
Но возвращаясь, сразу я заметил,

378

Что в страшном возбужденье весь народ,
Повсюду бредни дикие и слухи,
Чего-то все боятся, а чего –
Не знают сами. Вот, со мной пророк:
Я в Помфрете схватил его, – за ним
По улицам ходили толпы сброда.
Он им вещал нескладными стихами,
Что до полудня в праздник Вознесенья
Вы, государь, утратите венец.

КОРОЛЬ ИОАНН *(Питеру)*

Зачем ты это все болтал, бездельник?

ПИТЕР

Предвидел я, что так оно и будет.

КОРОЛЬ ИОАНН

Бери его, мой Хьюберт, и в тюрьму!
А в день и час, когда по предсказанью
Я должен пасть, – пускай его повесят.
Отдашь под стражу – и скорей назад:
Ты нужен будешь мне.

ХЬЮБЕРТ уходит с Питером.

Племянник милый!
Слыхал ты, кто пожаловал к нам в гости?

БАСТАРД

Французы, государь. Все это знают.
Я встретил Бигота и Солсбери.
Глаза у них пылали, точно угли,
Раздутые сейчас. А с ними вместе
Другие шли разыскивать могилу
Артура – будто бы он в эту ночь
Был умерщвлен по вашему приказу.

КОРОЛЬ ИОАНН

Мой милый родич, отправляйся к ним,
Уговори их возвратиться, знаю
Я средство, чтобы их сердца привлечь.

БАСТАРД

Я разыщу их.

379

КОРОЛЬ ИОАНН

Торопись – пускай
Одна нога другую обгоняет.
О, только б подданный не стал врагом,
Когда страну пугает чужеземец
Блистательно удавшимся вторженьем!
Меркурию подобно, окрыли
Свои стопы и с быстротою мысли
Лети и к пэрам и назад ко мне.

БАСТАРД

Дух времени научит быстроте.

(Уходит.)

КОРОЛЬ ИОАНН

Вот речи подлинного дворянина!

(Гонцу.)

Ступай за ним: ему, быть может, нужен
В переговорах с пэрами гонец.
Ты будешь им.

ГОНЕЦ

Охотно, государь.

КОРОЛЬ ИОАНН

Скончалась мать моя!

Возвращается ХЬЮБЕРТ.

ХЬЮБЕРТ

Болтают, государь, что нынче ночью
Пять лун светили в небе и кружилась
Одна из них диковинно вокруг
Недвижных четырех.

КОРОЛЬ ИОАНН

Пять лун?

ХЬЮБЕРТ

Безумцы
И старики на улицах вещают
О судьбах злых, без устали твердя
Про смерть Артура, головой качая
И что-то на ухо шепча друг другу.
Рассказчик слушателя своего

380

Хватает за руку; тот хмурит брови,
Кивает мрачно, в ужасе глазами
Вращает. Видел я: стоит кузнец,
Над наковальной молот занеся,
Но, позабыв о стынущем железе,
Глогает он, разинув рот, слова
Приятеля-портного, тот же с меркой
И ножницами, в шлепанцах (причем
Он в спешке перепутал их) болтает,
Что в Кенте тысячи солдат французских

Уже стоят в порядке боевом.
Но тут же перебив его, другой
Почтенный мастер, тощий и немытый,
Заводит речь о гибели Артура.

КОРОЛЬ ИОАНН

Скажи, ты хочешь в страх меня вогнать,
Без устали твердя про смерть Артура?
Твоей рукой убит он. Пусть желал я
Его кончины – что тебе-то в ней?

ХЬЮБЕРТ

Что, государь? А ваше повеленье?

КОРОЛЬ ИОАНН

Проклятье королей, что служат им
Рабы, которым их любая прихоть –
Указ на беспощадное вторжение
В обитель жизни. Мы едва моргнем –
Они закон в глазах у нас читают.
Беда величья – что случайный взгляд
Возможно счесть обдуманном решением.

ХЬЮБЕРТ (*протягивая ему бумагу*)

Вот подпись ваша и печать под ней.

КОРОЛЬ ИОАНН

Да, в страшный час последнего расчета
Меж небом и землей – печать и подпись
На нас проклятье божье навлекут.
Как часто мы свершаем злое дело
Лишь потому, что так доступны средства!
Случайно оказался ты при мне,

381

Отмеченный рукой самой природы,
Назначенный для гнусного деянья, –
Вот мне на ум убийство и пришло.
Мне подсказал ужасный облик твой,
Что ты легко пойдешь на преступленье,
Что ты годишься для опасных дел –
И бросил я намек на смерть Артура.
А ты, подлаживаясь к королю,
Не побоялся принца погубить.

ХЬЮБЕРТ

Мой государь...

КОРОЛЬ ИОАНН

Ты только покачал бы головой,
Ты притворился б только, что не понял,
Ты б с удивленьем на меня взглянул,
Как будто ожидая пояснений, –
И тяжкий стыд сковал бы мне уста,
И ужас твой во мне родил бы ужас.
Но как легко схватил ты мой намек,
Греховным замыслам ответив ловко!
Без колебаний согласилось сердце
И поднялась жестокая рука,
Свершая то, что мы назвать не смели.
Прочь! На глаза не попадайся мне!
Дворянством я покинут, силы вражки
Почти что вламываются в ворота,
И даже существо мое – страну
Моей живой и полной силы плоти
Усобица терзает: это совесть
С убийством родича не примирилась.

ХЬЮБЕРТ

Идите в бой на внешнего врага,
А с совестью я сразу примирю вас.
Племянник ваш живет: рука моя,
Как девушка, чиста, и нет на ней
Кровавых пятен. Сердца моего
Смутить не мог соблазн смертоубийства.
В моем обличье оскорбили вы
Саму природу: как оно ни грубо,
В нем есть душа, и стать она не в силах
Невинного ребенка палачом.

382

КОРОЛЬ ИОАНН

Артур живет? Беги скорее к пэрам
И этой вестью ярость их залей,
Чтоб, укротив, вернуть к повиновенью.
Прости мне то, что я в сердцах сказал
Про облик твой. Ведь я ослеп от гнева:
В кровавой дымке мне твое лицо
Страшней казалось, чем оно на деле.
Не отвечай – я раздраженных лордов

Жду с нетерпением в комнате своей.
Беги за ними слов моих быстрей.

Уходят.

СЦЕНА 3.

Перед замком.

На стену всходит АРТУР.

АРТУР

Да, высока стена, а прыгнуть надо.
Будь милосердна, добрая земля.
Меня здесь мало знают, и притом
На мне одежда юнги. О, как страшно!
И все ж я попытаюсь. Если, спрыгнув,
Не разобьюсь, – дорогу на свободу
Найду я без труда – и не одну:
Уж лучше в бегстве смерть, чем смерть в плену.

(Прыгает вниз.)

Ах, камни с дядей заодно. Господь,
Мой дух – тебе; земле английской – плоть!

Входят ПЕМБРУК, СОЛСБЕРИ и БИГОТ.

СОЛСБЕРИ

В Сент-Эдмондсбери я с ним встречусь, лорды.
Спасенье в этом: отвергать нельзя
Любезных предложений в час суровый.

ПЕМБРУК

А кто привез письмо от кардинала?

СОЛСБЕРИ

Французский рыцарь, граф Мелен. В беседе
Он больше рассказал мне, чем письмо,
О добрых чувствах юного дофина.

БИГОТ

На завтра утром встречу мы назначим.

СОЛСБЕРИ

Не медля надо ехать: ведь к нему
Никак не менее двух дней пути.

Входит БАСТАРД.

БАСТАРД

Вновь мы сошлись, разгневанные лорды!
Король вас просит поскорей прийти.

СОЛСБЕРИ

Он сделал все, чтоб мы порвали с ним.
Мы честью нашей не хотим латать
Истасканной, запятнанной порфиры
И не пойдем за ним: его нога
Повсюду след кровавый оставляет.
Нам худшее известно, – так ему
И передай.

БАСТАРД

Решайте, как хотите.
По мне – ответить лучше добрым словом.

СОЛСБЕРИ

Сильнее всех приличий – наша скорбь.

БАСТАРД

Сейчас для скорби нет у вас причин,
И, значит, нет причин забыть приличье.

ПЕМБРУК

Сэр, сэр! В права вступает нетерпенье!

БАСТАРД

В права – на вас одних навлечь беду.

СОЛСБЕРИ

Темница – здесь.

(Заметив тело Артура.)

А это кто лежит?

ПЕМБРУК

Как царственен и чист твой облик, смерть!
Земля не схоронила злодеянье!

СОЛСБЕРИ

Убийца ужаснулся и не скрыл

К возмездию зывающее дело.

БИГОТ

Могиле обрекая красоту,
В могилу не посмел ее упрятать.

СОЛСБЕРИ

Сэр Ричард, вы что скажете? Случалось
Вам это видеть, слышать, иль читать,
Иль думать о подобном? Видя это,
Глазам вы верите? Могла бы мысль
Возникнуть о таком, когда б глаза
Не увидали? Вот предел, вершина,
Венец, корона рыцарского шлема
В гербе убийцы! Самый злой позор,
Свирепейшее зверство и подлейший
Из всех ударов, что могли нанести
Слепая злоба или ярый гнев,
Чтоб состраданье слезы проливало.

ПЕМБРУК

Убийства дней былых – ничто пред этим,
И беспримерностью своей оно
Должно придать и чистоту и святость
Злодействам нерожденных поколений.
Нет зрелища страшнее; рядом с ним
Покажется любая бойня шуткой.

БАСТАРД

Кровавое и мерзкое деянье!
Жестокая рука его свершила,
Когда виновна чья-нибудь рука.

СОЛСБЕРИ

«Когда виновна чья-нибудь рука»?
Мы этого, пожалуй, ожидали.
Свершилось Хьюберта рукою гнусной,
Задумал же и повелел король.
От верности ему я отрекаюсь,

385

Склонясь над этим мертвым нежным – телом.
Над бездыханной прелестью его
Мой вздох да вознесется фимиамом
Священного и страшного обета –

Не ведать больше радостей мирских,
Не осквернить веселием души,
Чуждаться лени и бежать покоя,
Покуда славой не покрою руку,
Которую я мщенью посвятил.

ПЕМБРУК и БИГОТ

Твои слова мы свято подтверждаем!

Входит ХЬЮБЕРТ.

ХЬЮБЕРТ

Я, право, сбился с ног, ища вас, лорды.
Живет Артур! Король вас ждет к себе.

ПЕМБРУК

Какая дерзость! Он не покраснел
Пред ликом смерти! – Прочь отсюда, изверг!

ХЬЮБЕРТ

Не изверг я!

СОЛСБЕРИ (*обнажая меч*)

Пора мне заменить
Судью и палача.

БАСТАРД

Блестит ваш меч,
Но лучше вы в ножны его вложите.

СОЛСБЕРИ

Убийцы шкура – вот ему ножны!

ХЬЮБЕРТ

Лорд Солсбери, ни с места, говорю вам!
Мой меч наверно не тупей, чем ваш.
Я не хотел бы, чтоб к защите правой,
Забывшись, вы принудили меня,
И я бы сам, такую видя ярость,
Забыл ваш ранг, величие и честь!

386

БИГОТ

Смердящий пес! Грозишь ты дворянину?

ХЬЮБЕРТ

Нет, но своей безвинной жизни ради
И против цезаря я поднимусь!

СОЛСБЕРИ

Убийца ты!

ХЬЮБЕРТ

О нет, и вы меня
Не делайте убийцей. Кто клеветет –
Неправду говорит, а где неправда –
Там ложь.

ПЕМБРУК

Руби его!

БАСТАРД

Ни с места, лорды!

СОЛСБЕРИ

Прочь, Фоконбридж! Не то тебя ударю!

БАСТАРД

Ударь-ка лучше черта, Солсбери!
Ты только шевельнись, нахмурься грозно,
Худое слово, не сдержавшись, брось, –
Прикончу мигом! И бери-ка меч,
Не то тебя я с вертелом твоим
Так двину, что подумаешь: из ада
Сам черт пришел.

БИГОТ

Как, славный Фоконбридж!
Ты защищаешь изверга, убийцу?

ХЬЮБЕРТ

Не убивал я.

БИГОТ

Кем же принц убит?

ХЬЮБЕРТ

Когда я час назад его оставил,
Он был здоров. Я чтил его, любил,

Оплакивать до самой смерти буду

Утрату этой жизни.

СОЛСБЕРИ

Нет, не верьте
Слезам коварным. Увлажнять глаза
Умеют и злодеи. Уж поверьте –
Он мастер изливать из глаз своих
Невинности и жалости потоки.
Скорей за мною все, кому противен
Тошнотный запах бойни. Здесь меня
Удушит преступленья тяжкий смрад.

БИГОТ

Скорее в Бери. Встретимся с дофином!

ПЕМБРУК

Скажите королю: пусть ищет нас.

Лорды уходят.

БАСТАРД

Хорош же мир! Об этом славном деле
Ты знал? А если гнусное убийство
Совершено тобой, ты проклят, Хьюберт,
Как ни безмерна милость божья...

ХЬЮБЕРТ

Сэр,
Послушайте!

БАСТАРД

Сначала доскажу:
Как черный... нет, всего черней твой грех! –
Как Люцифер, владыка зла, ты проклят.
Нет мерзостнее грешника в аду,
Чем будешь ты, раз ты убийца принца.

ХЬЮБЕРТ

Клянусь душой...

БАСТАРД

А если допустил ты
Деянье зверское – умри в тоске.
Нужна тебе веревка? Хватит нити,
Которую паук прядет. Повиснешь

Ты на тростинке хрупкой, как на балке.
 Пойдешь топиться? В ложку влей воды –
 И ложка превратится в океан,
 Чтоб гнусного злодея поглотить.
 Ты у меня на тяжком подозренье.

ХЬЮБЕРТ

О, если я согласьём, мыслью, делом
 Помог исхитить душу, что жила,
 Прекрасная, в прекрасном этом прахе,
 Пусть для меня в аду не хватит мук.
 Когда расстались мы, он был здоров.

БАСТАРД

Возьми его и унеси отсюда.
 Я потрясен, я словно заблудился
 В колючих, страшных чащах этой жизни.
 О, как легко вся Англия восстала!
 С последним вздохом умершего принца
 Жизнь, и права, и правда всей страны
 Исчезли в небе. Англии осталось
 Зубами и когтями раздирать
 Наследье королей в борьбе за власть.
 Вот, на обглоданную кость величья,
 Как пес, уже щетинится война
 И миру кроткому рычит в лицо.
 Вот, чужеземный враг и свой мятежник
 Соединили силы; смута ждет,
 Как ворон над полуиздохшим зверем,
 Чтоб сгинула несправедная власть.
 Счастливицы те, кого их плащ и пояс
 В ненастье защитят. – Возьми ребенка;
 Иди скорей за мной. Я – к королю.
 Забот и дел кругом несметный рой,
 И взор небес мрачнеет над страной.

Уходят.

АКТ V.

СЦЕНА 1.

Дворец короля Иоанна.

Входят КОРОЛЬ ИОАНН, ПАНДОЛЬФ (с короной в руках) и свита.

КОРОЛЬ ИОАНН

Итак, венец величья моего
Я отдал вам.

ПАНДОЛЬФ (*возвращая ему корону*)

Назад его примите
Из рук моих, а с ним, как дар от папы,
Державный королевский сан и власть.

КОРОЛЬ ИОАНН

Сдержите же теперь святое слово:
Войска французские остановите
Во имя папы, чтобы нам в огне
Здесь не погибнуть. Графы восстают,
И наш народ отверг повиновенье;
Он чужеземцу присягнуть готов
И полюбить заморского владыку.
Разлитье яростное этой желчи
Предотвратить способны только вы.
Не медлите: недуг зашел далеко,

390

И, чтобы он не стал неизлечим,
Здесь быстрое потребно врачеванье.

ПАНДОЛЬФ

Мое дыхание раздуло бурю,
Когда глумились вы над властью папы.
Теперь же вы раскаялись в грехе –
И мой язык уймет грозу войны,
Чтоб возвратить вам ясную погоду.
В день Вознесенья нынче – знайте это –
Вы присягнули папе, – и французы
По слову моему опустят меч.

(Уходит.)

КОРОЛЬ ИОАНН

Сегодня Вознесенье? Предсказатель
Вещал тогда, что в Вознесенье утром
Сложу я свой венец, – и вышло так.
Страшился я – меня к тому принудят,

Но, слава богу, дело сделал сам.

Входит БАСТАРД.

БАСТАРД

Весь Кент в руках врага, и не сдается
Лишь замок Довер. Лондон, словно гостя,
Дофина с войском принял. Ваши лорды
Вас не желают слушать и пошли
Свои услуги предлагать врагу;
Сторонников же ваших ненадежных
Безумное смятенье охватило.

КОРОЛЬ ИОАНН

Но почему, узнав, что жив Артур,
Не захотели лорды возвратиться?

БАСТАРД

Он под стеною мертвым найден был;
Пустой ларец!.. Бесценный жемчуг жизни
Украла чья-то подлая рука.

КОРОЛЬ ИОАНН

Мерзавец Хьюберт мне сказал, что жив он.

БАСТАРД

Клянусь душою, он и думал так!
Но почему вы годовой поникли,

391

И скорбь у вас во взоре? Быть вам надо
В делах своих, как в замыслах, великим.
Пускай в очах властителей земных
Не видит мир ни страха, ни сомнений!
Так будьте же стремительным, как время, –
Огонь с огнем, угроза на угрозу, –
Глядите смело в страшный лик беды,
Чтоб низкие, готовые всегда
Великим подражать, на вас взирая
И тоже возвеличившись душой,
Решимостью прониклись боевой.
Вперед! Вы будете как бог войны,
Блистающий в лучах на поле бранном:
Пусть в вас горят уверенность и храбрость.
Хотят враги, напав на льва в берлоге,
Чтоб утрашился он, затрепетал?

О, да не будет так! С бедою злой
Схватитесь в поле, дальше от ворот,
Пока она не подошла вплотную.

КОРОЛЬ ИОАНН

Я принимал здесь папского легата;
Счастливый мир мы заключили с ним:
Он обещал мне, что уйдет обратно
Войска дофина.

БАСТАРД

О, бесславный сговор!
Ужели мы, тут, на своей земле,
Должны идти на сделки, на уступки,
На подлый торг и на постыдный мир
С врагом-захватчиком? Юнец безусый,
Бездельник, неженка в шелках, дерзнет
На родине героев подвизаться,
Насмешливо развеет в нашем небе
Свои знамена, не найдя отпора?
Нет, государь, к оружию! Может быть,
И кардинал не выговорит мира;
А если да, пускай никто не скажет,
Что мы обороняться не смогли.

КОРОЛЬ ИОАНН

Сейчас – тебе распоряжаться всем.

392

БАСТАРД

Смелей вперед! Мы защитим свой дом,
Вступая в бой и не с таким врагом!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Лагерь дофина близ Сент-Эдмондсбери.

*Входят вооруженные Людовик, Солсбери, Мелен, Пембрук,
Бигот и войска.*

ЛЮДОВИК

Пусть это перепишут и для нас
Оставят список, граф Мелен, а лордам
Вы подлинник вернете, чтоб они,

А также мы всегда могли прочесть,
О чем договорились, в чем клялись
У алтаря, и чтобы нерушимой
И твердой клятва верная была.

СОЛСБЕРИ

Ее мы не нарушим никогда.
Но, доблестный дофин, хоть мы клялись
По доброй воле вам служить поддержкой, –
Поверьте, я не рад, что мы должны
Недуг лихого времени лечить
Таким проклятым средством, как мятеж,
И, рану застарелую врачуя,
Другие наносить. Душа скорбит,
Что должен извлекать я меч из ножен,
Чтоб умножать вдовиц в моей стране,
Где к Солсбери зывают для спасенья
И для защиты грозной от врага.
Но так полно заразой это время,
Что мы оздоравливать свои права
Принуждены рукой неправды черной
И беззаконной смуты. О друзья,
Скорбящие друзья мои! Как горько,
Что рождены мы островом своим,
Чтоб видеть час его беды жестокой,
Идя за чужеземцем, поспирать
Земли родимой ласковое лоно
И числиться в рядах ее врагов

393

(Я отойду оплакать честь свою,
Позором омраченную невольным), –
Среди дворян заморских подвизаясь,
Чужим знаменам открывая путь!
Чужим? О, если б встал ты, мой народ!
О, если бы Нептун, что сжал тебя
В объятьях мощных, мог тебя заставить
Забыть дела твои и перенес
К неверным оба христианских войска,
Чтоб их враждующая кровь слилась
В один поток союзный и не стала
Преступно истекать в борьбе взаимной!

ЛЮДОВИК

Как высоки и речь твоя и дух!

Боролись чувства страстные в тебе,
И взрывом благородства завершился
Их поединок. Славно же сразились
Святая честь с нуждою слишком властной!
Дай отереть мне чистую росу,
Что на щеках твоих засеребрилась.
Меня нередко трогал женский плач,
Хотя привычны мы к потокам этим;
Но мужем гордым пролитые слезы,
Душевной бурей рожденный ливень
Дивит глаза и изумляет дух,
Как будто надо мною небосвод
Пронизан весь огнями метеоров.
Но, славный Солсбери, чело свое
Ты подними и мужественным сердцем
Отринь дыханье бури, а слезам
Из глаз ребячьих литься предоставь,
Не видевших грозы в великом мире,
Из глаз того, кто мог изведать счастье
Лишь на пирах, где смех и болтовня
Подогревают кровь. Ну, полно, друг:
В кошель успеха ты запустишь руку
Так глубоко, как сам дофин Людовик,
Как все дворяне, силу мышц своих
Связавшие с моей.

Входит ПАНДОЛЬФ со свитой.

О, видно, мне
Слова подсказывал небесный ангел;
Смотрите, к нам идет святой легат,

394

От бога он несет нам полномочья;
Его благословенье освятит
Деянья наши.

ПАНДОЛЬФ

Мой привет дофину!
Узнайте: ныне примирился с папой
Король Иоанн и укротил свой дух,
На церковь восстававший, нашу мать,
На Рим – святой престол, столицу веры.
Сверните асе грозящие знамена,
И да смирится буйный дух войны,
Да ляжет он, как прирученный лев,

У ног святого мира и отныне
Да будет страшен людям лишь по виду.

ЛЮДОВИК

Святой отец, простите: отступать
Не стану я, и так высок мой род,
Что не могу я быть ничьим слугой,
Приказы получать, как подчиненный,
Как подданный, и быть слепым орудьем
Какой-нибудь державы. Сами вы
Раздули тлеющий огонь войны
Меж нами и несчастным этим краем,
Вы топлива подбросили, и пламя
Теперь уже не затушить дыханьем,
Которое смогло его разжечь.
Вы доказали мне мои права
На эти земли, вы уговорили
Меня начать поход, – и вот, сейчас
Являйтесь с известьем, что Иоанн
Смирился перед Римом? Что мне в этом?
Я, в силу прав супружеских – преемник
Артура юного, король английский.
Наполовину покорив страну,
Я отступлюсь лишь потому, что Рим
С Иоанном помирился? Раб я Риму?
Дал Рим хоть грош, послал солдат, припасы,
Чтоб нам помочь? Не я ли на себя
Все бремя взял? Не я ль и те, кто клятвой
Со мною связан, тяготы несем?
И разве не слышал я, как кричали
«Vive le roi!»¹ островитяне эти,

395

Едва я подплывал к их городам?
Игра идет, все козыри держу я –
И брошу их, не выиграв венца?
Такого не дождетесь вы конца!

ПАНДОЛЬФ

Поверхностен ваш взгляд на это дело.

ЛЮДОВИК

Поверхностен иль нет, – не отступлюсь,
Покуда чести всей не обрету,
Которую сулили мне надежды,

Когда сзывал я доблестную рать,
Когда скликал я пламенные души,
Достойные глядеть в лицо победы
И вырвать славу из зубов у смерти.

Трубы.

Что нам запела звонкая труба?

Входит БАСТАРД со свитой.

БАСТАРД

Согласно всем обычаям почтенным
Прошу вас выслушать меня. Я послан
От короля, отец мой кардинал,
Узнать исход переговоров ваших.
Ответ же мне укажет, что за речи
Обязан здесь держать я как посол.

ПАНДОЛЬФ

Дофин, упорствуя, внимать не хочет
Моим миролюбивым увещаньям.
Он отказался опустить свой меч.

БАСТАРД

Клянусь я кровью, закипевшей гневом, –
Юнец ответил дельно! – А теперь
Король английский отвечает вам
Через меня: готов он в бой – как должно,
Вторжение наглое и шутовское,
Дурацкая игра в парад военный,
Вся шайка безбородых сорванцов
Ему смешны, и он готов прогнать
С земли своей ударами хлыста

396

Ребятче войско, армию пигмеев.
Неужто мощная его рука,
Что трепку вам у вашего порога
Так славно задала, загнала в дом,
Что вас заставила нырять, как ведра
В колодцы, прятаться в навозных кучах,
Среди свиной скрывать по хлевам,
Таиться, как заклады, в сундуках,
Убежища искать в темницах, в склепах,
Заслышав карканье своих ворон,

Дрожать от страха: «Это англичане!» –
Неужто здесь ослабла та рука,
Что с вами справилась под кровлей вашей?
Нет! Знайте, наш король вооружился.
Он, как орел, почуял, что гнездо
В опасности, и устремился ввысь,
Чтоб ринуться оттуда на врага.
А вы, ублюдки, вы, неблагодарный
Мятежный сброд, кровавые Нероны,
Терзая чрево родины своей,
Краснейте от стыда! Ведь жены ваши
И девы нежноликие спешат,
Заслышав рев трубы, как амазонки.
Они иглу сменили на копье,
Наперсток на железную перчатку
И нежность душ на ярость боевую.

ЛЮДОВИК

Довольно хвастать, отправляйся с миром!
Тебя не переспоришь. Будь здоров!
Нельзя нам тратить время дорогое
На болтуна.

ПАНДОЛЬФ

Позвольте мне сказать.

БАСТАРД

Нет, я не кончил!

ЛЮДОВИК

Глухи мы для всех.
Бить в барабаны! Языком войны
Сумеем защитить мы наше дело.

397

БАСТАРД

Да, бьешь по барабану – он вопит;
Побитые, вы тоже завопите.
Ваш первый барабан пробудит эхо:
Поблизости ему ответит наш,
И так же громко. Чуть в другой забьете, –
Тотчас же новый отзвук, столь же зычный,
Дойдет до облаков и передразнит
Небесный гром. Затем, что здесь стоит, –
Не полагаясь вовсе на легата,

К нему прибегнув больше ради шутки, –
Иоанн-воитель, и с его чела
Грозит вам смерть костлявая: сегодня
Ей будут пищей тысячи французов.

ЛЮДОВИК

Бить в барабан! Мы ждем опасных встреч!

БАСТАРД

Дождешься, принц: он близок, вражий меч.

Уходят.

СЦЕНА 3

Поле битвы.

Тревога. Входят КОРОЛЬ ИОАНН и ХЬЮБЕРТ.

КОРОЛЬ ИОАНН

Ну, как у нас дела? Скажи мне, Хьюберт.

ХЬЮБЕРТ

Боюсь, что плохо. Государь, что с вами?

КОРОЛЬ ИОАНН

Душа болит; к тому же лихорадка
Давнишня измучила меня.

Входит ГОНЕЦ.

ГОНЕЦ

Мой государь, вас просит Фоконбридж,
Ваш славный родич, удалиться с поля.
Я должен передать ему – куда.

398

КОРОЛЬ ИОАНН

Направлюсь я в Суинстедское аббатство.

ГОНЕЦ

Мужайтесь! Те большие подкрепленья,
Что ждал дофин, три дня назад погибли
На Гудвинских песках. Об этом весть
Сейчас до сэра Ричарда дошла.
Враг отступает, пыл его угас.

КОРОЛЬ ИОАНН

О, горе! Истомила лихорадка.
Не даст порадоваться доброй вести.
Подать носилки и скорее в Суинстед.
Я ослабел, мне труден каждый шаг.

Уходят.

СЦЕНА 4.

Входят СОЛСБЕРИ, ПЕМБРУК, БИГОТ и другие.

СОЛСБЕРИ

Не думал я, что столько сохранилось
Друзей у короля.

ПЕМБРУК

Еще раз в бой!
И подстегнем французов: их побьют –
Нам будет плохо.

СОЛСБЕРИ

Фоконбридж проклятый,
Ублюдок, дьявол, всюду поспекает
На зло судьбе.

ПЕМБРУК

Я слышал, что Иоанн,
Совсем больной, покинул поле битвы.

Входит раненый, поддерживаемый солдатами МЕЛЕН.

МЕЛЕН

К мятежникам английским подведите.

399

СОЛСБЕРИ

В дни счастья, помню, мы не так звались.

ПЕМБРУК

О, граф Мелен!

СОЛСБЕРИ

Он ранен, умирает!

МЕЛЕН

Всему конец, английские дворяне.
Распутавшейся ниткой надо вам
Из тесного игольного ушка
Своей крамолы выскользнуть. Бегите,
Падите ниц пред вашим королем.
Дофин решил, победу одержав,
За вашу службу верную в награду
Вам головы срубить. Дал в этом клятву
Он сам, и я, и многие другие
В Сент-Эдмондсбери перед алтарем –
Тем самым алтарем, где мы клялись,
Что вечно будем вашими друзьями.

СОЛСБЕРИ

Возможно ль это? Правду ты сказал?

МЕЛЕН

Да разве смерть в глаза мне не глядит.
И жизнь моя не вытекает с кровью,
Как на огне растаяло бы вмиг
Мое изображенье восковое?
Из мира лжи навеки уходя,
Зачем мне лгать, когда я знаю правду,
А правда в том, что здесь я умираю,
И там одной лишь правдой буду жив.
Я повторяю: если, одолев,
Останется Людовик верен клятве,
Вы завтра не увидите рассвета;
Но в эту ночь, что черное дыханье
Уже клубит над кромкой огневой
Усталого слабеющего солнца,
Да, в эту злую ночь, когда победу
Одержит с вашей помощью дофин, –
Предательство свое вы искупите,

400

Сраженные предательским ударом.
Вы Хьюберту привет мой передайте, –
Он состоит при вашем короле.
Мы дружбу с ним вели, к тому ж мой дед
Был родом англичанин. Потому
Я и решил сейчас во всем признаться.
А вы взамен, прошу вас, уведите
Меня от грохота и шума битвы,
Чтоб думы я последние свои

Додумал мирно, чтоб моя душа
В благочестивых чувствах отлетела.

СОЛСБЕРИ

Тебе мы верим. Пусть я буду проклят,
Коль не сочту прельстительным, прекрасным
Счастливым случай повернуть назад
С недоброго, опасного пути
И, словно усмиренная волна,
Расставшаяся с буйным непокорством,
Опять войти в родные берега
И устремить послушное течение
В наш океан, к великому Иоанну. –
Я помогу нести тебя отсюда
Затем, что муку смертную прочел
В твоих глазах. – Ну, други, новый путь
К старинной правде должен нас вернуть!

Уходят, поддерживая Мелена.

СЦЕНА 5.

Французский лагерь.

Входит ЛЮДОВИК со свитой.

ЛЮДОВИК

Казалось, солнце медлило садиться,
Багрянцем заливая небосвод,
Когда родную землю англичане
Сдавали, отступая. Мы же славно
Закончили кровавый ратный труд,
Вдогонку пожелав им доброй ночи
Последним залпом, и свернули с честью
Знамена рваные, почти оставшись
Хозяевами поля.

Входит ГОНЕЦ.

401

ГОНЕЦ

Где мой принц?

ЛЮДОВИК

Я здесь. Какие вести?

ГОНЕЦ

Граф Мелен
В сраженьи пал, но убедил пред смертью
Вельмож английских вновь отпасть от вас.
Отряды, посланные вам в подмогу,
Погибли все на Гудвинских песках.

ЛЮДОВИК

Будь проклят за подобные известья!
Не думал я, что мне скорбеть придется
Сегодня к ночи. Кто же говорил,
Что сам Иоанн бежал за час иль два
Пред тем, как сумрак сонный разделил
Войска усталые?

ГОНЕЦ

Кто б это ни был,
Сказал он правду, государь.

ЛЮДОВИК

Итак,
Сегодня ночью сторожить усердней!
А утром поднимусь я раньше солнца,
Чтоб снова в битве счастье испытать.

Уходят.

СЦЕНА 6.

Открытое место в окрестностях Суинстедского аббатства.

С разных сторон входят БАСТАРД и ХЬЮБЕРТ.

ХЬЮБЕРТ

Кто там? Ответь скорей, не то – стреляю!

БАСТАРД

Я свой. Ты кто?

ХЬЮБЕРТ

Из войска англичан.

БАСТАРД

Куда идешь?

ХЬЮБЕРТ

А что тебе за дело?
Я у тебя о том же мог спросить.

БАСТАРД

Как будто Хьюберт?

ХЬЮБЕРТ

Угадал неплохо.
И своего готов признать я в том,
Кто распознал мой голос в темноте.
Но кто же ты?

БАСТАРД

Да кто тебе угодно!
А если хочешь быть любезным, думай,
Что я Плантагенетам не чужой.

ХЬЮБЕРТ

Ах, память, память! Вместе с ночью темной
Ты подвела меня. Прости, храбрец,
Что речь твою и голос твой знакомый
Мой чуткий слух не сразу распознал

БАСТАРД

Не извиняйся, брось! Какие вести?

ХЬЮБЕРТ

Я все брожу под черным сводом ночи
И вас ищу.

БАСТАРД

Скорее говори.

ХЬЮБЕРТ

Любезный сэръ! Черны, как эта ночь,
Ужасны, тягостны и скорбны вести.

БАСТАРД

Показывай мне смело эту язву.
Я ведь не баба, чтоб лишиться чувств.

ХЬЮБЕРТ

Боюсь, не отравил ли короля
Один монах: его почти безмолвным

Оставил я, чтоб вас предупредить
И чтобы вы могли во всеоружье
Беду, на нас нагрянувшую, встретить.

БАСТАРД

А что он пил? Кто пробовал питье?

ХЬЮБЕРТ

Я вам сказал – один монах, злодей,
Который тут же сам издох от яда.
Король – в сознании. Выживет, быть может.

БАСТАРД

Кого же ты оставил с королем?

ХЬЮБЕРТ

Как, вы не слышали? Вернулись лорды,
И с ними Генрих, наш наследный принц.
Его величество по просьбе принца
Их всех простил. Они сейчас при нем.

БАСТАРД

Не шли нам непосильных испытаний,
О небо грозное! Умерь свой гнев!
Знай, Хьюберт, нынче ночью, проходя
По отмелям линкольнским, половина
Моих солдат была приливом смыта.
Я спасся на коне, хотя с трудом.
Веди же к королю меня: боюсь,
Не умер бы до моего прихода.

Уходят.

СЦЕНА 7.

Сад в Суинстедском аббатстве.

Входят Принц Генрих, Солсбери и Бигот.

Принц Генрих

Нет, поздно; яд уже в его крови,
И светлый мозг, – который, говорят.

Души бессмертной хрупкая обитель. –
Туманится и страшным бормотаньем
Предсказывает горестный конец.

Входит ПЕМБРУК.

ПЕМБРУК

Наш государь еще владеет речью.
Он верит: если вынести его
На свежий воздух, яд уже не будет
Так сильно жечь, и муки облегчатся.

ПРИНЦ ГЕНРИХ

Перенесите в сад его скорей.

БИГОТ

Он мечется?

ПЕМБРУК

Как будто стал спокойней,
Чем был при вас. Сейчас он пел тихонько.

ПРИНЦ ГЕНРИХ

Обманчива болезнь! От сильных мук
В нас чувства притупляются, и смерть,
Что истерзала нашу оболочку,
Ее бросает и теперь незримо
На дух наш ополчается: рои
Причудливых видений жалят, ранят,
Кидаясь на последнюю твердыню
В неистовом порыве. Странно мне,
Что смерть поет, что я сейчас птенец
Больного лебедя, который смерть
Встречает скорбным гимном, слабым вздохом
Органной труб, успокоенья песней
Измученному телу и душе.

СОЛСБЕРИ

Мужайтесь, принц. Назначено судьбой
Вам привести в согласие и порядок
Полученный в наследье тяжкий хаос.

БИГОТ и придворные возвращаются, неся в кресле короля Иоанна.

405

КОРОЛЬ ИОАНН

Вот, обрела душа моя простор;
Не надо рваться ей к дверям и окнам.
Такой во мне палящий летний зной,

Что внутренности прахом иссыхают.
Я – лишь рисунок, сделанный пером
На лоскуте пергамента; я брошен
В огонь и корчусь.

ПРИНЦ ГЕНРИХ

Государь, что с вами?

КОРОЛЬ ИОАНН

Отравлен... худо мне... покинут, мертв.
Никто из вас позвать не может зиму,
Чтоб ледяные пальцы погрузила
В утробу мне; никто не повелит
Моим английским рекам течь мне в грудь
И не умолит север утолить
Мои уста холодными ветрами.
Немногого прошу: одной прохлады,
Но вы так жестки, так неблагодарны,
И мне ее от вас не получить.

ПРИНЦ ГЕНРИХ

О если бы в слезах моих была
Целительная сила!

КОРОЛЬ ИОАНН

Соль их жжет.
Весь ад – в моем нутре, и яд, как дьявол,
Терзает ныне проклятую богом
Отверженную кровь.

Входит БАСТАРД.

БАСТАРД

Мой государь!
Я так спешил, что, верно, семь потов
С меня сошло; едва дышу от бега.

КОРОЛЬ ИОАНН

Поспел ты, родич, мне закрыть глаза.
Сожгло и разорвало снасти сердца,

А паруса, что надувала жизнь,
Свернулись так, что стали тощей нитью,
И я держусь на этом волоске:
Порвется он, едва доскажешь речь, –

И комом праха станет все, что видишь,
Пустой личиной брэнного величья.

БАСТАРД

Готовится к сражению дофин.
Бог ведает, каким отпор наш будет.
Когда я нынче в ночь для пользы дела
Войска послал в обход, приливный вал,
Внезапно хлынув, лучшие отряды
На отмелях линкольнских поглотил.

Король умирает.

СОЛСБЕРИ

Вы мертвому о мертвых говорите.
Мой государь! О горе! Миг назад
Он был король – и чем он стал теперь!

КОРОЛЬ ИОАНН

Сужден мне путь такой же и конец.
Где в мире мощь, надежда и опора?
Сейчас властитель – прахом станешь скоро.

БАСТАРД

От нас ушел ты. Я ж обязан жить,
Чтоб выполнить святое дело мщенья!
Потом моя душа тебе послужит
На небесах, как на земле служила. –
Вы, звезды, что вернулись наконец
В свою орбиту, где же силы ваши?
Вновь покажите верность, и за мной,
Скорей за мной! Разруху и позор
Мы выбросим за шаткие ворота
Измученной страны. Живей ударь –
Не то ударит враг. От нас дофин
Не отстает – он в двух шагах отсюда.

СОЛСБЕРИ

Вам, видимо, еще не все известно.
В аббатстве кардинал Пандольф; сейчас
Он отдыхает. Полчаса назад

Он от дофина мирные условия
Привез нам: с честью можно их принять
И прекратить войну без промедленья.

БАСТАРД

Еще скорей ее он прекратит,
Увидев, как у вас набухли мышцы.

СОЛСБЕРИ

Да он уже почти что сделал это:
Обозы двинул к морю и прислал
К нам кардинала, чтоб уладить спор!
И если вы согласны, то сегодня
После полудня вы, и я, и лорды
Сойдемся с ним и кончим дело миром.

БАСТАРД

Пусть будет так. Вы, благородный принц,
С другими пэрами, которых мы
Не станем беспокоить, воздадите
Последний долг усопшему отцу.

ПРИНЦ ГЕНРИХ

Мы погребенье в Вустере свершим, –
Так повелел он.

БАСТАРД

Значит, так и будет.
Примите счастливо, мой добрый принц,
Венец и власть над всей страной нашей.
Склонив колено, клятву я даю
Быть вашим верным подданным до гроба
И честью вам и правдою служить.

СОЛСБЕРИ

И мы даем обет любви покорной.
Пускай ничто ее не осквернит!

ПРИНЦ ГЕНРИХ

Я вас хотел бы всей душою кроткой
Благодарить, но только слезы лью.

БАСТАРД

Вперед мы уплатили горькой доле.
Погашен долг; теперь умерим скорбь.

Нет, не лежала Англия у ног
Надменного захватчика и впредь

Лежать не будет, если ран жестоких
Сама себе не нанесет сперва.
К ней возвратились пэры. Пусть приходят
Враги теперь со всех концов земли.
Мы сможем одолеть в любой борьбе, –
Была бы Англия верна себе.

Уходят.

549

«КОРОЛЬ ИОАНН»

Среди хроник Шекспира «Король Иоанн» стоит особняком. Другие драмы из истории Англии складывались у Шекспира в серии пьес. «Король Иоанн» остался одиноким. Если в других случаях Шекспира увлекала идея создания серии драм, широко и полно охватывающей целую полосу в истории страны, то здесь он ограничил себя рамками сравнительно узкого сюжета. Он не воспользовался возможностью изобразить предшественника Иоанна Безземельного, его старшего брата, прославленного Ричарда Львиное Сердце, история которого по-своему была не менее драматична. Даже и в рамках царствования Иоанна драматург счел возможным опустить не только второстепенные эпизоды, но и такое широко известное событие, как прокламирование великой Хартии вольностей и создание парламента.

У Шекспира об этом ни слова, и это всегда вызывало удивление тех английских критиков, для которых парламентаризм является идеалом государственности. Однако в эпоху Шекспира парламент не играл сколько-нибудь значительной роли в жизни страны. Если в феодальную эпоху он был органом волеизъявления феодалов, ограничивавшим власть короля, то с тех пор, как утвердилась абсолютная монархия Тюдоров, парламент превратился в собрание, угодливо подтверждавшее волю короля, в частности дававшее санкцию на всевозможные поборы для пополнения королевской казны. Естественно поэтому, что Шекспир не обратил особого внимания на историю возникновения парламента, который казался в те времена изжившим себя феодальным установлением.

Зато другие факты царствования Иоанна имели для Шекспира и его современников вполне актуальное значение. Таковы были: вопрос о престолонаследии, проблема внутреннего мира, внешние войны, борьба королевской власти против политических притязаний римско-католической церкви. Это и вошло в круг тем, охватываемых сюжетом пьесы Шекспира.

Хроника была написана между 1594-1597 годами. Ряд исследователей склоняются к сравнительно раннему возникновению ее и датируют пьесу 1594-1595 годами, тогда как Э. К. Чемберс считает, что она была создана зимой 1596/97 года. Соответственно этому одни исследователи полагают, что «Король Иоанн» предшествовал «Ричарду II», другие же придерживаются мнения, что «Король Иоанн» был создан после «Ричарда II».

Обычно, создавая пьесы-хроники, Шекспир пользовался в качестве источника собранием летописей Холиншеда. На этот раз, однако, я этом не было необходимости. Уже существовала драматическая обработка сюжета о царствовании Иоанна, и она послужила источником для Шекспира.

Эта пьеса была опубликована в 1591 году в двух частях. Первая

550

называлась: «Беспокойное царствование короля Иоанна, с открытием того, кто был незаконным сыном короля Ричарда Львиное Сердце (в просторечье именуемый ублюдком Фоконбриджем), а также со смертью короля Иоанна в Суинстедском аббатстве». На титуле второй части стояло: «Вторая часть Беспокойного царствования короля Иоанна, содержащая смерть Артура Плантагенета, высадку Людовика и отравление короля Иоанна в Суинстедском аббатстве».

На обоих изданиях помечено, что пьеса неоднократно игралась «актерами ее величества королевы в Лондоне».

В 1611 году обе части «Беспокойного царствования» были напечатаны вместе, причем издатель поставил на титульном листе слова: «Написано У. Ш.» Третье издание, вышедшее уже после смерти Шекспира, в 1622 году, не ограничивалось инициалами. На титульном листе полностью стояло: «У. Шекспир».

Известно, что Шекспиру при жизни не раз приписывали пьесы, которых он не писал. Но в данном случае нельзя сказать, что у издателей не было никаких оснований приписать пьесу Шекспиру. Известно было, что драматург действительно написал хронику о короле Иоанне. Она шла на сцене, и ее упоминает в своем списке пьес Шекспира Ф. Мерее в 1598 году. Опираясь на это, издатели и могли выдать «Беспокойное царствование» за шекспировскую пьесу, тем более, что по сюжету они совпадают.

Шекспировский «Король Иоанн» был впервые напечатан в фолио 1623 года. Сравнение текстов показывает, что пьеса Шекспира представляет собой сокращенный вариант «Беспокойного царствования». Здесь две ранние пьесы сведены в одну. Некоторые эпизоды при сокращении Шекспиром были опущены, но он точно следовал порядку сцен и развитию действия «Беспокойного царствования», переписав, однако, заново весь стихотворный текст и развил некоторые характеристики персонажей.

Вопрос об отношении пьесы Шекспира к «Беспокойному царствованию» вызвал большие споры среди шекспироведов. Существуют три взгляда на эту проблему:

1) «Беспокойное царствование» – произведение одного или нескольких предшественников Шекспира, предположительно Марло либо Марло и Грина, а может быть, Пиля. Шекспир создал новую пьесу по канве своего предшественника. Этому мнению придерживается большинство исследователей.

2) «Беспокойное царствование» – не дошекспировская пьеса, а переделка шекспировского «Короля Иоанна», выполненная неизвестным автором. Это

предположение было высказано П. Александером, но Дж. Довер Уилсон убедительно опроверг его.

3) Шекспир написал сначала «Беспокойное царствование», затем через несколько лет сам переделал эту пьесу, и таким образом появился «Король Иоанн». Этот взгляд был высказан У. Кортхопом и поддержан Э. М. У. Тильярдом.

Нам представляется наиболее вероятной первая из перечисленных здесь точек зрения, которой придерживается и Э. К. Чемберс. Тщательное сопоставление обоих текстов, произведенное им, показывает, что в «Короле Иоанне» есть только одна строка, полностью совпадающая с «Беспокойным царствованием». Правда, он же насчитал сто пятьдесят мест, где у Шекспира повторяются те или иные слова из старой пьесы, но многие из них употреблены в совершенно другом контексте.

Обращаясь к содержанию, можно увидеть, что Шекспир изменил политические мотивы, содержащиеся в ранней пьесе. Он убрал резкие выпады против французов, имевшие место в «Беспокойном царствовании»,

551

а также смягчил антипапистскую направленность пьесы. У Шекспира первостепенное значение приобретает идея патриотизма, выразителем которой выступает Фоконбридж. Этот образ был уже в старой пьесе, но Шекспир значительно развил его, как он углубил и характеристику короля Иоанна.

Впрочем, даже усовершенствовав разработку данного сюжета, Шекспир не создал шедевра, который получил бы такое же признание, как некоторые другие его хроники. «Король Иоанн» уступает в цельности и концентрированности действия «Ричарду III», в широте охвата действительности и ее контрастов – «Генриху IV». В группе хроник эта пьеса является произведением переходного типа, как и «Ричард II». Образы героев здесь более индивидуализированы, чем в предшествующих хрониках, и не трудно заметить, что Шекспир расширил несколько рамки жанра, в частности, введением комических мотивов, что особенно проявляется в юморе Фоконбриджа, частично и пока еще отдаленно предвосхищающем фальстафовский юмор «Генриха IV».

Как и в других пьесах-хрониках, Шекспир заостряет в сюжете политические мотивы, представлявшие интерес для его современников. Он увязывает их с проблемами этическими, и это получает концентрированное выражение в образе центрального персонажа драмы – короля Иоанна.

Фигура этого монарха задолго до Шекспира появилась на английской сцене. Ему была посвящена первая историческая драма, созданная в Англии в эпоху Возрождения. Около 1547 года в царствование Генриха VIII епископ Бейль написал пьесу «Король Иоанн». В драматургическом отношении это была причудливая смесь исторической драмы с моралите, где фигурировали наряду с реальными историческими персонажами абстрактные фигуры – Мятаж, Стяжательство, Притворство и т. д. В период, когда недавно свершился разрыв с Римом, личность Иоанна привлекала внимание, ибо он был первым королем, сделавшим попытку восстать против власти пап. Это была откровенно

тенденциозная пьеса, в которой Иоанн прославлялся как поборник независимости монархии от римско-католической церкви. Соответственно образ короля был представлен в идеализированном свете.

В «Беспокойном царствовании» образ уже более соответствует исторической истине. Этот набросок характера в ранней драме получил у Шекспира полноценное психологическое раскрытие. – Фигура Иоанна стоит в ряду других королей, чьи портреты даны Шекспиром в хрониках в плане рассмотрения проблемы личных качеств монарха.

Иоанн является узурпатором. По праву престолонаследия королем должен был стать после смерти Ричарда Львиное Сердце молодой принц Артур. Но Иоанн захватил власть и царит по праву сильного. Он, однако, сознает непрочность своего положения. Ему грозят разные враги, и его подстерегает много опасностей: Констанция, мать Артура, лелеет план восстановления прав своего сына; Франция стремится отвоевать у Истиина его владения в Бретани; Рим зорко следит за действиями короля, оберегая интересы церкви в Англии; наконец, Иоанну приходится все время считаться с крупными феодальными баронами, отнюдь не склонными к беспрекословному повиновению.

Перед лицом всех хитросплетений политики Иоанн вначале держится как человек, намеренный отстоять свою власть от всех опасностей и посягательств. Он мужественно сражается против Франции, защищая

552

одновременно интересы свои и английского государства. Однако сознание государственных интересов не является преобладающей чертой его как короля. Личный интерес для него гораздо важнее. Стремясь удержать власть, он решает устранить силой слабого соперника – принца Артура. Что же касается противников сильных, то с ними он хочет замирился.

Мы видим, как постепенно все больше раскрывается своекорыстная натура короля, который к тому же не обладает упорной непреклонностью, какая была, например, у Ричарда III. Иоанн проявляет жестокость, хитрит, изворачивается и доходит до унижения, когда соглашается отдать свою власть, чтобы снова принять ее из рук представителя римского папы.

Даже в жестокости Иоанна проявляется его малодушие. Он жаждет смерти принца Артура, но не решается на убийство, как это сделал в подобном же положении Ричард III. Намеками он стремится внушить своему придворному Хьюберту, чтобы тот покончил с юным принцем, но делает это так, чтобы сохранить возможность снять с себя даже моральную вину за смерть Артура.

Преобладание личных интересов над государственными особенно проявляется тогда, когда Иоанн ради закрепления своих прав покупает поддержку Франции ценой уступок территории. Это вызывает гнев даже у Фоконбриджа, самого преданного из сторонников Иоанна.

Все ухищрения Иоанна ни к чему не приводят. Он теряет друзей, сторонников, союзников и в конце концов падает жертвой заговора собственного духовенства – один монах, мстя за разграбление монастырей, отравляет Иоанна.

В лице Иоанна Шекспиром изображен монарх, недостойный править страной. И дело здесь не столько в отсутствии законных прав на владение престолом, сколько в нравственном облике Иоанна. Убийца невинного ребенка, он ничем не доказал своего морального права на то, чтобы быть главой государства. Более того, своими действиями он обнаружил, что готов в любой момент предать интересы страны ради личного благополучия.

Как и в других хрониках Шекспира, в «Короле Иоанне» коренным является вопрос о благе государства. И если Иоанн оказался недостойным монархом, то в пьесе есть другой персонаж, который выступает как носитель принципов государственности и патриотизма. Это – Фоконбридж.

Незаконнорожденный сын Ричарда Львиное Сердце, он был воспитан знатным лордом, которого считал своим отцом. Когда обнаруживается действительное происхождение Фоконбриджа, перед ним возникает необходимость выбора: признать своим законным отцом покойного Фоконбриджа и получить от него богатое наследство, либо согласиться с тем, что он будет признан незаконным сыном короля и лишиться при этом каких-либо имущественных прав. Фоконбридж выбирает второе, ибо честь быть сыном, хотя бы и незаконным, такого славного воителя, как Ричард Львиное Сердце, ему дороже всех земель, какие он может получить в наследство от старого Фоконбриджа.

Однако Фоконбридж отнюдь не идеальный «рыцарь без упрека». Воинственный сын сурового века, он спокойно будет разить людей, сражаясь за своего короля. А когда король приказывает ему взять деньги у духовенства для пополнения отоцавшей казны, Фоконбридж с веселым задором грабит монастыри.

И все же у этого грубоватого вояки есть инстинктивная нравственность, состоящая в том, что он признает для себя обязательным

553

служение королю и своей стране. Они для него одно и то же. И даже если король окажется недостойным или неспособным быть защитником своей страны, то Фоконбридж возьмет эту миссию на себя, действуя именем короля, хотя бы он и знал, что король совсем не тот человек, который заслуживает поклонения и повиновения. Так оно и происходит в пьесе. Даже осуждая короля, когда становится ясной его вина в гибели принца Артура, Фоконбридж не отступает от него. Он продолжает борьбу, – теперь уже не столько за короля, сколько за Англию.

Суровая мужественность Фоконбриджа несомненно привлекательна. Если в пьесе и есть герой, то это именно он. Но Фоконбридж не только храбр. Он и умен. Живя в обстановке борьбы корыстных интересов, приглядываясь к тому, что происходит, а особенно после сделки Иоанна с французами, Фоконбридж делает из своих наблюдений и опыта глубокие выводы. Он выражает их в монологе, которым завершается второй акт, когда произносит тираду о том, что миром правит «дьявол» – выгода (Commodity). Эта речь Фоконбриджа заслуживает

особого внимания, как выражение взглядов самого Шекспира на общество. Она перекликается с знаменитыми монологами героя трагедии «Тимон Афинский» о власти золота, которую Шекспир осуждал и в ряде других пьес, особенно в «Венецианском купце».

Фоконбридж выступает также как выразитель идеи патриотизма, особенно сильно звучащей в его финальном монологе, которым заканчивается пьеса. Он утверждает необходимость внутреннего единства государства как наиболее прочной опоры для его независимости. В эпоху создания национальных монархий это была прогрессивная идея, направленная против феодального сепаратизма, и этот принцип поддерживался как гуманистами, так и народными массами, отстаивавшими национальную независимость страны от посягательств извне. В пьесе Шекспира такие реальные враги Англии представлены французскими феодалами и римскими церковниками.

Рядом с двумя центральными образами пьесы стоят другие персонажи, причем некоторые из них очерчены с большой рельефностью. Такова властолюбивая мать Иоанна – королева Элеонора; мать принца Артура – Констанция, не уступающая Элеоноре в честолюбивом стремлении к власти, но также показанная как скорбящая мать; патетическая фигура юного принца Артура, чья гибель является наиболее трагическим эпизодом пьесы; хитрый и беспощадный политик-макиавеллист – кардинал Пандольф; воинственные французские феодалы король Людовик и дофин Филипп.

Сложная интрига пьесы развивается динамически, но заключительная часть хроники несколько скомкана из-за того, что при сокращении выпали эпизоды, предшествовавшие смерти короля, которая оказывается несколько неожиданной, не подготовленной закономерным развитием действия.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «КОРОЛЯ ИОАННА»

Стр. 311 Действующие лица. – Король Иоанн (Иоанн Безземельный) царствовал с 1199 по 1216 год. Он был младшим сыном Генриха II и взошел на престол после смерти своего старшего брата Ричарда Львиное Сердце в обход прав Артура, сына ранее умершего, следующего по старшинству сына Генриха II Готфрида. Смерть Иоанна последовала от неизвестных причин. В качестве наследника фамилии Плантагенетов

554

Иоанн владел целым рядом областей Франции, и в том числе городом Анжером.

Французский король – Филипп II, или Филипп-Август (1180-1223), выступивший на защиту прав Артура под влиянием его матери Констанции. Впрочем, это было лишь предлогом для задуманного Филиппом-Августом изгнания англичан из Франции. В 1203-1206 годах он отвоевал у Иоанна Нормандию и Анжу. В результате религиозно-политического конфликта Иоанна с

папой Иннокентием III последний уполномочил Филиппа-Августа низложить Иоанна. Иоанн смирился и в 1213 году признал себя вассалом римского престола. Еще раз Филипп-Август нанес Иоанну, организовавшему против него коалицию, сокрушительное поражение при Бунине во Фландрии (1214). Все эти сражения, с произвольной локализацией их, в пьесе искусственно приурочены к последнему году жизни Иоанна.

Филипп Фоконбридж (Бастард), незаконный сын Ричарда Львиное Сердце, – лицо историческое. Полагают, что на обрисовку его характера уже в старой пьесе, а через нее и в хронике Шекспира оказал влияние образ упоминаемого в хрониках Холиншеда рыцаря Фалько Brentского, также незаконнорожденного, сначала принимавшего участие в восстании баронов против Иоанна, но затем сделавшегося его верным помощником в разных делах.

Хьюберт – также лицо историческое. Его звали Хьюберт де Бург, и Иоанн поручил ему присматривать за Артуром (взятым в плен в 1202 г. при захвате Мирбо, между тем как Анжер был захвачен Иоанном лишь в 1206 г.), а затем ослепить его. Но Хьюберт последнего приказа не исполнил. Артур либо погиб при попытке бежать из темницы, либо был убит каким-то лицом, подосланным Иоанном. В момент смерти ему было пятнадцать лет, и он, вероятно, уже лично принимал участие в сражениях.

Бланка была дочерью сестры Иоанна Элеоноры и Альфонса VIII, короля Кастильского. Ее обручение с французским дофином – исторический факт.

В лице эрцгерцога Австрийского, графа Лиможского, слиты вместе две исторические личности – Леопольд, эрцгерцог Австрийский, заключивший Ричарда Львиное Сердце в тюрьму в 1193 году, и Видомар, граф Лиможский, владлец замка, под стенами которого Ричард был смертельно ранен в 1199 году. Филипп Бастард, мстя за смерть отца, убил второго из них в том же 1199 году, как сообщает об этом Холиншед.

Почти все указанные отступления от исторических фактов имелись уже в старой пьесе

Стр. 318 Ни дать ни взять – монета! – Имеются в виду монеты с очень плоскими профилями королей.

Стр. 319 Сэр Ричард, признанный Плантагенет. – При посвящении в рыцари и члены королевского дома меняется личное имя Бастарда: Ричард вместо Филипп.

Стр. 320 Приходит со своею зубочисткой... – Зубочистки были принадлежностью всех благовоспитанных людей. Щеголи ходили обязательно с собственными зубочистками, которыми ковыряли у себя в зубах, часто без всякой надобности.

Стр. 321 Кольбранд-великан – могучий витязь, датчанин, герой многих английских баллад.

Какой Филипп? – Он уже теперь не просто «Филипп», как его звал до сих пор запросто слуга, он теперь носит королевскую фамилию Плантагенет (о чем слуга еще не знает).

555

Базилиско – персонаж трагедии Кида «Соломон и Персида» – хвастун, утверждавший, что он рыцарь.

Стр. 324 ...бледнолицый берег. – Побережье Англии, обращенное к Франции, покрыто меловыми скалами.

Стр. 327 Потише! – Он глашатай. – Глашатаи всегда начинали свои речи возгласом: «Потише!» (Внимание!).

Стр. 328 Алкид – Геркулес.

...как ослу пристала обувь славного Алкида. – «Как башмаки Алкида на детской ножке» – довольно распространенная в то время поговорка. Бастард искажает ее, чтобы сильнее оскорбить эрцгерцога.

Стр. 333 Святой Георгий... учи нас биться. – Святой Георгий считался патроном английского рыцарства.

Стр. 336 Взяв за пример иерусалимских граждан во дни их мятежа... – Во время осады Иерусалима императором Титом (в I в. н. э.) две партии, враждовавшие в городе, временно объединились для борьбы с римлянами.

Стр. 341 ...вели, чтоб сын и дочь соединили руки. – С момента обручения принцесса становится как бы дочерью французского короля.

Стр. 348 Свой трофей позоришь ты. – Трофей – львиная шкура, которую Эрцгерцог носит после того, как отнял ее у Ричарда, убив его.

Стр. 353 ...огнем огонь врачи смягчают при ожогах. – В XVI веке раны от ожогов лечили прижиганиями.

Святая вера есть опора клятвы. Твоя же клятва не согласна с ней. – Смысл этого места, довольно темного в подлиннике, таков: «Если, давая клятву, ты не уверен в ее законности, те ты можешь соблюдать ее лишь постольку, поскольку она не противоречит другой, данной тобой ранее клятве».

Стр. 354 ...как тебе – опора он. – Возможно, что в это мгновение Людовик поднимает Бланку с колен, что дает повод Констанции назвать его ее опорой.

Стр. 357 Ангел – старинная монета.

Стр. 360 ...суда одной эскадры разделяя. – В подлиннике: «A whole armada» – намек на Великую Армаду, испанский флот, посланный Филиппом II в 1588 году на завоевание Англии и уничтоженный бурей и английскими морскими силами.

Стр. 364 Вы проиграли день? – День – в военном смысле: «проиграв сегодня битву».

Стр. 377 Первого апреля скончалась ваша царственная мать, а за три дня до этого... Констанция. – На самом деле Элеонора умерла в июле 1204 года, а Констанция не за три дня, а за три года до этого, в августе 1201 года.

Питер из Помфрета – лицо историческое. Как сообщает Холинshed, он предсказал около 1 января 1213 года, что король Иоанн «в будущий праздник Вознесения» будет низложен, за что король предал его вместе с его ни в чем не повинным сыном мучительной казни.

Стр. 379 Дух времени... – Выражение, часто встречающееся у Шекспира и означающее; стечение обстоятельств, условия эпохи и т. д.

Стр. 380 В страшный час последнего расчета меж небом и землей – то есть в день Страшного суда.

Стр. 382 В Сент-Эдмондсбери я с ним встречусь... – Речь идет о дофине, который вступил с английскими лордами в переговоры через посредство графа Мелена и кардинала Пандольфа.

Стр. 386 ...и вы меня не делайте убийцей... – То есть не

556

заставляйте меня, защищая свою честь, обнажить меч и пролить вашу кровь.

Стр. 393 ...с нуждою слишком властной. – В смысле не личной его потребности, а принудительной потребности общих политических обстоятельств.

Стр. 398 Гудвинские пески – опасная мель на юго-восточном побережье Англии.

Стр. 403 Кто пробовал питье? – Перед тем как король что-нибудь ел или пил, один из слуг пробовал эту еду или питье, чтобы убедиться, что предлагаемая королю пища не отравлена.

А. Смирнов

¹ Да здравствует король!